

18.84.

Столица и усадьба

"

1915 г. № 36-37 (1 г.)

1884

П. А. Федотовъ (1815—1852).
„Портретъ“ (Н. П. Ждановичъ).
(Музей Александра III).

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петроградъ. Москва. Варшава. Харьковъ. Киевъ. Одесса. Николаевъ. Вильна. Ростовъ на/Д.
Евпаторіа. Баку. Рига. Енатернославъ. Елисаветградъ. Новороссійскъ. Эливанъ.

№ 36—37.

95
СБЛ ✓

Издание в России такого журнала, как „СТОЛИЦА и УСАДЬБА“, теперь, во время войны, представляет большія трудности: мѣловая бумага повысилась въ цѣнѣ еще больше, чѣмъ другіе сорта, и ее достать все труднѣе и труднѣе, бумаги для обложекъ совсѣмъ нѣтъ, необходимыя краски нельзя получить, цинкъ для клише поднялся въ цѣнѣ втрое и сталъ плохого качества, и т. д.

Тѣмъ не менѣе журналъ будетъ выходить во все время войны, нисколько не мѣняя своего вида, несмотря на затраты. Намъ хотѣлось бы на немъ показать, что въ Россіи „многое очень трудно, но все достижимо“...

Приходится мириться только съ тѣмъ, что дальнѣйшее намѣченное редакціей улучшение журнала и расширеніе его объема (при той же цѣнѣ) пока задерживается—это будетъ сдѣлано послѣ войны.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

БОЛЬШИНСТВО №№ ЗА 1914 ГОДЪ И ПЕРВЫЕ ПЯТЬ №№ ЗА 1915 ГОДЪ ПОЛНОСТЬЮ РАСПРОДАНЫ.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

„ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1915 ГОДЪ:

въ Петроградъ 11 руб. 50 коп.
въ Россіи 12 руб. 50 коп.
за границей 40 франковъ.

Кромѣ того принимается подписка съ 1 мая до конца года (съ № 33)—9 руб. вездѣ въ Россіи, съ пересылкой и доставкой.

Отдѣльный номеръ (съ перес.)—85 коп.

Подписка на четыре № (разныхъ)—1 р. 50 к. вездѣ въ Россіи. За перемѣну адреса петроградскаго на петроград., также иногород. на иногород. или петроградскій 50 коп.

Перемѣна петроград. адреса на иногород.—1 р. 50 к.

При перемѣнѣ адресовъ просьба высылать старый печати. адресъ. „СТОЛИЦА и УСАДЬБА“ продается отдѣльными номерами: во всѣхъ большихъ жел.-дорожн. кіоскахъ Контрагентства А. С. Суворина и К^о и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

въ книжныхъ магазинахъ—
въ Петроградѣ:

Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“—Невскій пр., 40.
Т-во М. О. Вольфъ—Гостинный Дворъ, 18. Т-во М. О. Вольфъ—
Невскій пр., 13. Т-во Н. П. Карбасниковъ—Гостинный Дворъ, 19.
Т. Д. Мелье и К^о—Невскій пр., 20. Г. Р. Віоле—Малая Коню-
шенная, 16. В. А. Лебедевъ—Литейный пр., 21. И. И. Митюр-
никовъ—Литейный пр., 31. М. А. Ясный, бывш. Попова—
Невскій пр. 68. Н. В. Базыкинъ—Литейный пр., 51. „Веч.
Время“—Невскій пр., 52. В. Н. Бѣловъ—Литейный пр., 11.
Общ. Св. Евгениі, Морская, 38.
въ Москвѣ: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“—Неглинн. пр.
Т-во М. О. Вольфъ—Кузнецкій мостъ, Общ. Св. Евгениі, Куз-
нецкій мостъ, 11.

въ Харьковѣ: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“.

въ Ростовѣ н/Д: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“.

въ Киевѣ: А. Идзиковскій, Н. Я. Оглоблинъ.

въ Варшавѣ: Т-во Н. П. Карбасниковъ.

въ Саратовѣ: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“.

въ Одессѣ: Т-во А. С. Суворина—„Новое Время“. М. Арфинъ.

въ Варшавѣ: Т-во Н. П. Карбасниковъ. Г. Віоле.

въ Гельсингфорсѣ: Академическій книжный магазинъ.

въ Ялтѣ: И. Ивановъ, Набережная, кіоскъ.

въ Орлѣ: С. О. Потѣхинъ, Болховская ул., д. Калашникова.

въ Иркутскѣ: Тихонъ Хахаевъ, книжн. торговля.

РЕДАКЦІЯ:

Каменный остр., 31, площ. Стар. театра, соб. вилла.
Тел. 145-25.

КОНТОРА:

Невскій, 28 (д. Зингера), кв. 10 (съ Невскаго, на подъем-
ной машинѣ, въ 3 этажъ).

Тел. 260-51 и 171—38.

Телегр. адресъ: Стисус—Петроградъ.

Объявленія (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка непарелли
(¹/₄ часть ширины страницы).

Цѣлая страница—400 руб.; меньше ¹/₁₆ стран. объявленія не
печатаются.

При заказѣ на нѣсколько разъ—скидка до 25%.

Двойной № 38-39 выйдетъ 1 августа 1915 года.

Въ случаѣ неполученія очереднаго № или полученія его въ
измятомъ видѣ просить заявлять до выхода слѣдующаго №.

Изготовлены спеціальныя переплеты для годовыхъ экзempl.
„Ст. и Ус.“ (въ 2 т. т.); 2 коленкоровыя папки съ кожаными
корешками и золотымъ тисненіемъ—6 руб. (пересылка по поч-
товому тарифу).

Съ благодарностью будутъ приняты всякія сообщенія о част-
ныхъ коллекціяхъ, отдѣльныхъ предметахъ старины или вообще
произведеніяхъ искусства, находящихся въ частныхъ рукахъ, въ
Россіи—они могутъ быть описаны и воспроизведены на страни-
цахъ журнала.

Очень интересны также фотографіи усадебъ Россіи, не только
большихъ и роскошныхъ, но и самыхъ незначительныхъ. Къ
нимъ должны быть описанія.

Рукописи просить присылать по возможности писанныя на
машинѣ.

Т-ый Д-мь ОБЮССОНЪ.
МЕБЕЛЬ, ° КОВРЫ, ° МЕБЕЛЬНЫЯ МАТЕРИИ.
МОРСКАЯ №№ 23 и 25. ° ТЕЛЕФОНЫ: 484-55, 606-94, 666-46.

ИСТОЩЕНІЕ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

и худосочіе на почвѣ чахотки и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящий, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. П.Т.Г.
 Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Приготовлено въ Лаборатори
А. ЭНГЛУНДЪ.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ крас. черн. и марку Петроградской Косметической Лабораторіи, которыя имѣются на всѣхъ этикеткахъ. Получать можно во всѣхъ лучш. аптекахъ, аптек., косметич. и парфюм. складахъ Рос. Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Вѣна—Лео Глаубаухъ, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—Е. Лотаръ. Главный складъ для всей Россіи

А. ЭНГЛУНДЪ,
 ПТГ., Новодеревенская наб., 15.

**ШКОЛА БАЛЕТНАГО
 ИСКУССТВА**

АРТ. ИМП. ТЕАТРОВЪ
А. и И. ЧЕКРЫГИНЫХЪ.
 Петроградъ. Николаевская, 31.
 Телеф. №№ 237-25 и 69-77.

ЗАНЯТІЯ ВСЕ ЛѢТО.

ПРИЕМЪ УЧАЩИХСЯ ВСѢХЪ ВОЗРАСТОВЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ.
 Съ 1-го сентября 1915 г. КЛАССИЧЕСКІЕ ТАНЦЫ для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ 10 руб. въ мѣсяцъ.
 ПОДРОБНОСТИ СВОЕВРЕМЕННО.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА
 ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
**ТОВАРИЩЕСТВО
 А. И. ОСТРОУМОВА
 МОСКВА.**

МЫЛО ОТЪ ПЕРХОТИ
 ЗА № 3374

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЖСКОГО ТУАЛЕТА.

Jockey-Club
 №40. NEVSKY. №40.

Телефонъ 58-24.

PIJAMAS
 ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

ВАДЕМЕКУМ
 Лучшее изъ всѣхъ существующихъ ПОЛОСКАНЬЕ для РТА и ЗУБОВЪ.

945590
 ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
 Отдел хранения фондов

АВТО-ШИНЫ

ЕЛКА

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

**ПЕТРОГРАДЪ
ЕКАТЕРИНСКИЙ КАНАЛЬ, 34**

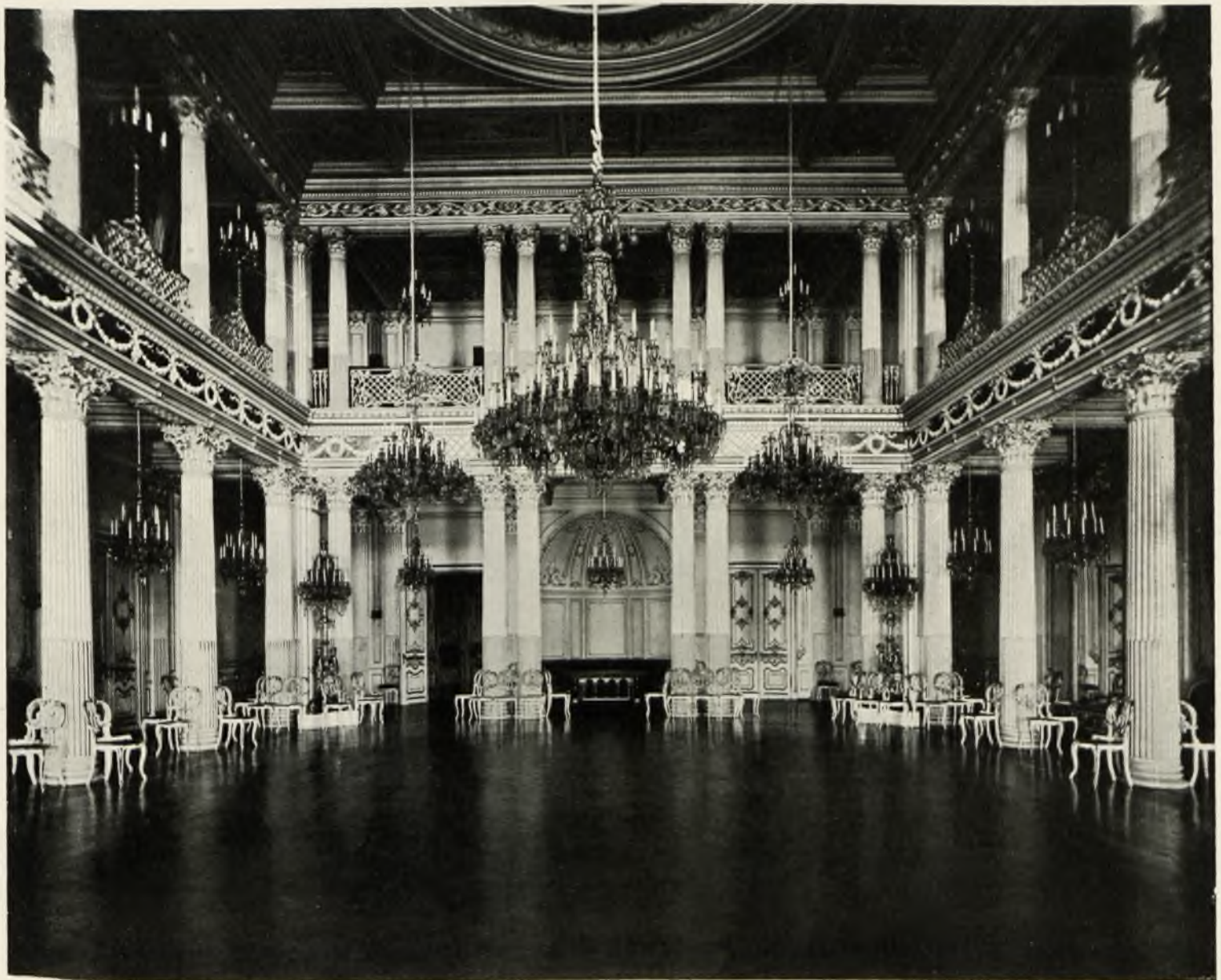
СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 36-37.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЬ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

1 ЮЛЯ 1915 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

ДВОРЕЦЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА
ВЪ ПЕТРОГРАДЪ.

Большой бѣлый залъ.

31490
БИБЛИОТЕКА
ГОС. ТРЕТЬЯКОВСКОЙ
ГАЛЛ.

Гос. Третьяковская
Галерея
№
Библиотека

РУССКІЕ ЛЮДИ ВЪ СОБРАНИИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА.

Собрание Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича, находящееся во дворцѣ Его Высочества на Дворцовой набережной у Мошкова переулка, представляетъ огромный интересъ не только для специалистовъ искусства и исторіи. Превосходные портреты масломъ, многое множество миниатюръ, отличныя табакерки и многіе предметы обихода воскрешаютъ цѣлый міръ давно ушедшаго времени. И странно сказать, что въ эпоху ужасовъ и

жизни и тѣмъ острѣе и болѣзненнѣе осознаемъ и переживаемъ холодный ужасъ небытія. Вотъ черезъ сто лѣтъ и наши внуки будутъ говорить про насъ съ той же ласковой усмѣшкой и еще больше и полнѣе будетъ ихъ багажъ воспоминаній. Но наше время—холодное и безразличное—глядеть на нихъ съ мертвыхъ снимковъ Буассона, мы же имѣемъ огромную радость ощущать прошлое и говорить съ несущестующимъ уже поколѣніемъ языкомъ неизмѣнно вѣр-

Кабинетъ. Налѣво — письменный столъ, за которымъ работаетъ Великій Князь.

скорби, въ дни тяжелыхъ потерь, въ дни, когда у каждаго изъ насъ есть кто либо родственникъ или близкій, ушедшій на вѣки, какъ то еще острѣе и болѣзненнѣе ощущается все это умершее прошедшее. Смотришь на важныхъ вельможъ, жившихъ и радовавшихся, на этихъ красивыхъ женщинъ, любившихъ и любимыхъ, на героевъ, побѣждавшихъ и прославившихся, и на смѣшныхъ напыщенныхъ старухъ—призраковъ собственной ихъ юности — и думаешь: такъ умерли вы, такъ умремъ и мы, такъ грустили вы и такъ же мы печалуемся... Разница только въ томъ, что они не знали о насъ, о своихъ потомкахъ, мы же въ вѣнокъ воспоминаній вплетаемъ и ихъ

ныхъ, сильныхъ и глубокихъ художественныхъ воспріятій. Ибо все, претворенное черезъ призму искусства, сохраняя свою правдивую сущность, очищается отъ тлѣна случайныхъ житейскихъ наслоеній, концентрируя въ себѣ квинтэссенцію выразительности...

Всѣ эти мысли приходятъ въ голову, когда глядишь на тысячи маленькихъ существъ подъ стеклами въ узкихъ рамкахъ, пригвожденныхъ къ стѣнкѣ и прошедшихъ черезъ судъ нашего сужденія и исторической оцѣнки. И кого только не увидать и съ кѣмъ только не познакомиться въ этомъ пестромъ калейдоскопѣ! Но по странной случайности не всегда радостны должны быть встрѣчи въ живописныхъ

Кабинетъ Великаго Князя.

Посреди портретъ кн. П. Зубова, раб. Лампи—отца; въ верхнемъ ряду: Имп. Александръ I и гр. А. А. Аракчевъ (раб. Лампи); подъ ними: гр. Ф. В. Растопчинъ (раб. Топчи) и гр. П. В. Завадовскій (раб. Лампи—сына). На правой стѣнѣ, надъ бюстомъ—кн. А. Б. Куракинъ. Совсѣмъ направо—Наполеонъ (раб. Жера).

призракахъ изображенныхъ мертвецовъ. Вѣдь досадно, должно быть, висѣть на одной стѣнкѣ, въ одинаковыхъ обрамленіяхъ, тѣмъ, кто при жизни соперничали, ссорились, не любили или ненавидѣли другъ друга. И еще печальнѣе и больнѣе чувствуется тѣмъ, кто, близкіе при жизни, разлучены теперь... Но безжалостная жизнь продолжаетъ быть жестокой и въ художественномъ претвореніи. Что же подѣлать, вѣдь нельзя заниматься новымъ строительствомъ жизни этихъ маленькихъ призраковъ ушедшихъ жизней.

Въ собраніи Великаго Князя эти воспоминанія о

прошломъ тѣсной пеленой окружаютъ миниатюрныя изображенія и не мало разныхъ думъ вызываютъ знакомцы, чинно висящіе на стѣнахъ. Тутъ и фавориты, и военноподполковники, и государственные люди, и дипломаты. Тутъ и авантюристы, и чудачки, знатныя дамы, писатели, актрисы, художники, просто дворяне помѣщики и рагвенусы, которые были такъ въ модѣ и въ силѣ въ XVIII столѣтіи. Недаромъ какой-то злой французъ сказалъ о дворянской Россіи:

„En Russie tout le monde est noble ou en train de le devenir...“

Витрина съ миниатюрами.

Можно разобрать лишь слѣдующія. Налѣво (отъ зрителя) Суворовъ, подъ нимъ гр. З. Чернышевъ; посреди, 2-й сверху, Суворовъ раб. Бешопа; направо (въ томъ же ряду) гр. В. В. Ферморъ; внизу посреди, 2-й снизу—Потемкинъ и С. А. Понятовскій.

Императоръ Александръ I и Императрица Елизавета Алексѣевна. Раб. К. Агрикола.

Вотъ главные дѣятели и приближенные русскихъ Императрицъ въ красивый вѣкъ царствованія женщинъ: легкомысленный и злой красавецъ, всесильный князь Платонъ Зубовъ, графъ П. Завадовскій, князь Андрей Разумовскій—другъ сердца первой жены Императора Павла, пріятель Гайдна и Бетховена, дважды женатый на австріячкахъ. Потомъ длинный рядъ военначальниковъ и героевъ: Суворовъ, съ его хитрымъ и умнымъ лисьимъ лицомъ; генераль-аншефъ, главнокомандующій въ Москвѣ при Екатеринѣ князь А. А. Прозоровскій; „Россійской Колумбъ“— по выраженію Державина— мореплаватель Шелеховъ, основатель теперь нами утраченныхъ русскихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній. Потомъ славные до сихъ поръ герои русской исторіи: „остроумный живчикъ“

Имп. Елизавета Алексѣевна. Эмаль, раб. Евреинова.

фельдмаршалъ графъ Каменскій и другой фельдмаршалъ генераль-губернаторъ Парижа въ 1814 г. князь Фабіанъ Остенъ-Сакенъ, о которомъ Беранже говорилъ: „Ce bon Monsieur Saken au coeur si tendre“, намекая на его любовь къ красавицамъ. Хороши и герои Отечественной войны: князь Багратіонъ, Кутузовъ-Смоленскій, храбрый и пылкій, воспѣтый въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“ князь Циціановъ, гуманный А. А. Бибиковъ, добрый и всѣми любимый казакъ графъ Платовъ. Тутъ же и генераль де-Прерадовичъ, погубившій свою блестящую карьеру непомѣрнымъ увлеченіемъ одной француженкой. Онъ былъ такъ влюбленъ въ нее, что, забравшись съ нею въ коляску во время Фридландскаго сраженія (1807 г.), столь увлекся любезничаньемъ со своей красави-

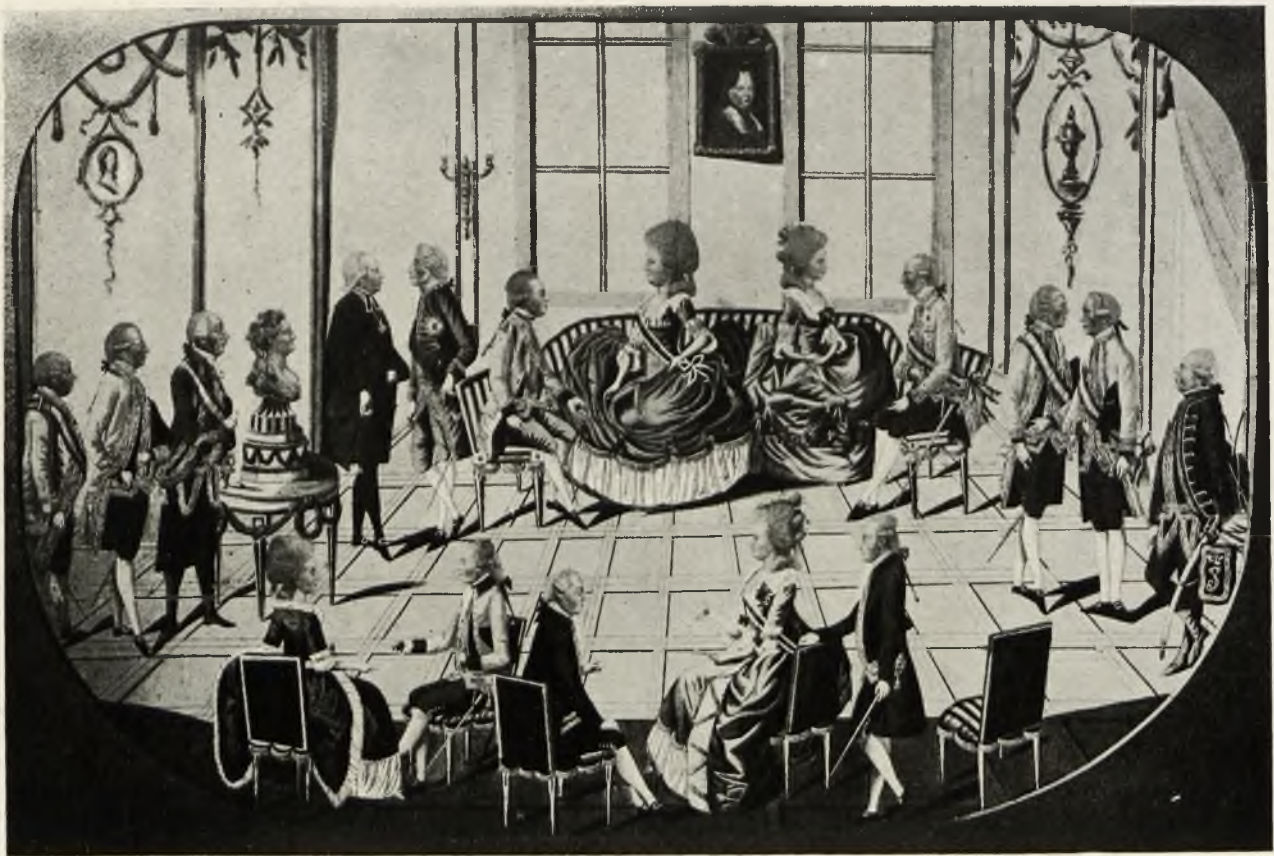
Графиня Ек. Петр. Шувалова, рожд. Салтыкова. Раб. Грёза.

Графиня Д. Х. Ливень, рожд. Бенкендорфъ. Раб. Лауренса.

Комната со стѣнной живописью въ античномъ вкусѣ. Налѣво отъ каминна—Наполеонъ, раб. Г. Лефевра. Посрединѣ, въ углу, портретъ раб. Лауренса; налѣво—портретъ раб. Грёза.

Путешествіе графа и графини Сѣверныхъ.

Истомина.

ное замужество съ дворянскимъ засѣдателемъ Черновымъ, отъ котораго у нея даже былъ сынъ.

Въ собраніи Великаго Князя не мало портретовъ и болѣе значительныхъ дѣятелей—государственныхъ мужей: генераль-прокурора гр. Самойлова, графа Д. А. Гурьева, министра финансовъ,—впрочемъ, болѣе извѣстнаго публикѣ за изобрѣтенную имъ превкусную „гурьевскую кашу“,—князя Кочубея, „сумасшедшаго Федьки“ гр. Растопчина, „обезьяны въ мундирѣ“ все-сильнаго Аркачеева, гр. Виктора Панина, гр. Е. Ф. Канкрин, занимавшаго въ 1823 г., какъ онъ самъ выражался, „огненный стулъ министра финансовъ“ и бывшаго страстнымъ любителемъ

цей, что, несмотря на просьбы, уговоры и убѣжденія своихъ товарищей и адъютантовъ, не хотѣлъ выльзать изъ коляски и такъ остался въ ней до конца сраженія, за что вполнѣ справедливо заслужилъ немилость и вынужденъ былъ оставить службу навсегда...

А вотъ въ акварели Карла Брюллова кавалеристъ дѣвица Дурова, служившая въ Литовскомъ уланскомъ полку и вышедшая въ отставку штабсъ-капитаномъ. Она такъ освоилась со своею ролью, что говорила о себѣ въ мужескомъ родѣ, всегда ходила въ мужскомъ костюмѣ и тщательно скрывала свое неудач-

Марія Антоновна Нарышкина.

Выѣздъ Маріи Луизы на охоту. Акварель Карла Верне.

женщинъ, о похожденияхъ котораго такъ смѣшно рассказываетъ Лѣсковъ въ „Совмѣстителяхъ“— „буколической повѣсти на исторической канвѣ“. Рядомъ съ этими представителями разныхъ вѣдомствъ надо отмѣтить и дипломатовъ: русскаго посланника въ Парижѣ при Екатеринѣ Симолина, проводившаго дни и ночи не въ дипломатическихъ дѣлахъ, а среди продажныхъ женщинъ; извѣстнаго графа Алопеуса и настоящаго барина, и двоюроднаго брата по грамотѣ, посланника въ Вѣнѣ Д. Татищева— кавалера ордена Золотоу Руна. Занимательны и любопытны фигуры авантюристовъ и чудаковъ— этихъ характерныхъ особенностей XVIII вѣка. Вотъ интереснѣйшій,

А. А. Бибиновъ.

Лейбъ-кучеръ
Илья Байковъ.
Раб. Вивьена.

исполненный въ Италіи, барельефный портретъ „княжны Таракановой“, столь предательски заманенной лживой любовью чесменскаго героя,— „женщина росту небольшого, тѣла очень сухого, лицомъ ни бѣла, ни черна, а глаза имѣетъ большіе и открытые, цвѣтомъ темнокаріе и косые, брови темнорусыя, а на лицѣ есть и веснушки“.

Смѣхотворны, а порой и страшны русскіе чудаки и помѣщики самодуры. Вотъ, напримеръ, сынъ фельдмаршала графъ Сергѣй Каменскій, извѣстный театраль, прославившійся своимъ театромъ въ Орлѣ и своими жестокостями, о которыхъ повѣствуетъ Лѣсковъ въ прелестномъ разказѣ „Тупейный художникъ“. Вотъ сынъ екатерининскаго любимца „русскій Монмранси“, безумный графъ

Дмитріевъ-Мамоновъ, не чуждый „литературѣ“, ибо въ припадкѣ маніи преслѣдованія имъ сочиненъ былъ цѣлый „Catalogue des gens qui ont contribué à ma perte“. Вотъ и графъ Михаилъ Румянцевъ — сынъ Задунайскаго, умершій въ сумасшествіи, выразившемся въ его страсти къ женскимъ нарядамъ. Женатъ онъ не былъ, имѣлъ женскіе вкусы и подъ конецъ жизни даже вообразилъ себя экономкой и занимался женскими работами. Заслуживаютъ вниманія и знатныя дамы, всѣ тѣ „княгини Марьи Алексѣевны“, мнѣнія коихъ часто рѣшали многія государственныя дѣла: графиня А. К. Воронцова, графиня А. Д. Чернышева „la plus méchante créature qu'on puisse voir“, воспѣтая Державинымъ la belle nonchalante, одна изъ пяти племянницъ - фаворитокъ Потемкина, гр. Скавронская, княгини Д. Х. Ливенъ — „une femme commune, fatigante

et aride“, мистическая баронесса Криднеръ и красавица Аглая Давыдова.

Хороши и портреты дѣятелей искусства, литературы и сцены: А. С. Грибоедовъ, князь Одоевскій, Лермонтовъ, архитекторъ Воронихинъ, граверъ Скородумовъ, знаменитая пѣвица Генриетта Зонтагъ, плѣнявшая въ 40-хъ годахъ петербургскихъ меломановъ.

А вотъ и танцовщица Истомина, изъ за которой было нѣсколько нашумѣвшихъ дуэлей, воспѣтая Пушкинымъ капризница:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна.
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина — она
Одной ногой касая пола,
Другою медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ...
Летитъ, — какъ пухъ изъ устъ
Эола.

То стань советъ, то разовѣтъ,
И быстро ножку ножкой бѣтъ.

Потомъ идетъ цѣлая толпа разныхъ дамъ и мужчинъ многочисленныхъ дворянскихъ фамилій: славные Строгановы, Долгоруки, Татищевы, Милорадовичи, Нарышкины, Разумовскіе, Бутурлины, Голицыны и Волконскіе образуютъ ту уютную старосвѣтскую дворянскую семью, отъ которой въ Россіи остались только бабушкины рассказы.

Но, можетъ быть, иногда думается мнѣ, стали хороши и занимательны эти ушедшіе люди только теперь, въ нашемъ всеукрашающемъ воспоминаніи, и, Богъ вѣсть, будь мы свидѣтелями ихъ жизни, такъ ли тепло и дружески судили бы мы объ ихъ поступкахъ и характерахъ? Нѣтъ, лучше не будемъ вздыхать о прошломъ и осмотримся кругомъ себя, гдѣ теперь все яркое, живое, могучее и во сто кратъ болѣе значительное, чѣмъ то, что было прежде.

Баронъ Н. Врангель.

Кабинетъ Великаго Князя. Рѣзныя колонны.

Кресло Empire.

Бронзовые часы Empire.

Перепечатка изъ № безъ указанія источника воспрещается; перепечатка портретовъ и группъ вообще воспрещается. Законъ 20 марта 1911 года.

ХОЛОМКИ.

(Порховского уезда, Псковской губернии—
имение кн. А. Г. Гагарина).

Не только старинныя усадьбы бывают красивы, какъ не только „ампирныя“ и вообще классическіе дворцы и дома помѣстій можно считать архитектурно-художественными. Правда, не много такихъ красивыхъ сооружений, подлин-

Холомки. Ротонда, детали колоннъ.

ной благородной (и выражающей характеръ русской усадьбы) архитектуры.

Конечно русская усадьба и châteaux въ характерѣ тѣхъ, что такъ прелестно сочетаются съ окружающимъ ихъ холмистымъ пейзажемъ по берегу р. Луары — понятія несовмѣстимыя. Нѣтъ у насъ ни тѣхъ холмовъ, которые дѣлаютъ живописный силуэтъ замка умѣстнымъ на этомъ фонѣ, нѣтъ ни тѣхъ породъ камня, изъ котораго только и можно признать допустимымъ сооруженіе „замкообразныхъ“ зданій Франціи. Да, наконецъ, выстроенныя изъ кирпича и оштукатуренныя они произведутъ ложное впечатлѣніе; уже самыя ихъ формы, и башни, и вѣзды будутъ всегда давать впечатлѣніе чего-то лениваго, театральнаго, чужого.

То же еще въ большей степени можно сказать и о готическихъ нѣмецкихъ замкахъ, и о стилѣ faux gothique. Чистая классика—греческій, римскій стиль — неумѣстны отсутствіемъ оконъ, ренессансъ—не практиченъ, требующими тщательнаго выполненія и неуспянной поддержки (и иного попросту климата) деталями...

Такъ въ какомъ же стилѣ строить новую усадьбу? Какъ ни странно, русскій стиль вовсе не подходящъ.

Холомки. Колоннада и передній фасадъ дома.

Грузенъ, не терпитъ большихъ оконныхъ и дверныхъ отверстій (а какъ же дача, вилла, усадьба безъ широкаго доступа свѣта? какъ же безъ террасы?)—вообще не приспособленъ къ современнымъ потребностямъ.

Укладъ русской прошлой жизни показаль намъ обширную сокровищницу, изъ которой можемъ черпать матеріалъ чудесный для созданія русской усадьбы, фермы, дачи, виллы.

Классическій періодъ итальянскаго ренессанса, эпоха, когда этотъ стиль былъ переработанъ въ духъ новыхъ (XVI в.) близкихъ уже намъ началъ.

Получилось просто, благородно и красиво, торжественно, гордо и уютно. Виллы дожей и патрицевъ, виллы богатыхъ графовъ и просто владѣтельныхъ земледѣльцевъ на сѣверѣ Италіи—виллы построенныя Андреа Палладио. Вотъ кладезь! И наши зодчіе XVIII—XIX вв.—Гваренги, а за нимъ и другіе, насадили у насъ культуру этого же типа зданій.

Прошло сто слишкомъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ создана была первая Екатерининско-Александровская усадьба—и ничто не измѣнилось. Послѣ всѣхъ исканій (и столь напряженныхъ въ 1900 годахъ) мы вернулись къ ампиру, къ этой перефразѣ итальянскаго ренессанса конца XVI вѣка.

Усадьба К. И. Ксидо (граф. Левашевой) въ Подольской губ., нѣкоторыя новыя подмосковныя, построенныя И. В. Жолтовскимъ и другими на берегу Москвы рѣки, дача Руперти, дома въ усадьбахъ подъ Москвой построенныя архит. Михайловымъ, Эрихсономъ; домъ въ им. Левшина Курской губ., и др., принадлежатъ къ числу усадебъ новаго типа. Это классика почти такая же, какъ 100 лѣтъ тому назадъ. Только имѣніе гр. Левашевой построено въ иномъ родѣ.

Передъ нами сейчасъ другое произведеніе арх. И. А. Фомина, любопытное особенно тѣмъ, что оно было построено лишь

по проекту Фомина, зодчими являлись сами владѣльцы: князь Андр. Григорьев. Гагаринъ (б. директ. Политехническаго института въ Петроградѣ) и два его сына—Сергѣй и Андрей.

Имѣніе въ живописной мѣстности Псковской губ. Съ одной стороны его портикъ (традиционный портикъ іонической колоннады) съ большой балюстрадой, между колоннами (хороши баясины—это такъ рѣдко бываетъ). Съ другой стороны полукруглая ротонда, перекрытая куполомъ. Прелестны парныя колонны. Менѣе удаченъ аттикъ, идущій по верху надъ карнизомъ...

Всѣ формы просты, гладки, безхитростны, нетрудны для выполнения, а въ общемъ получилось красивое образцовое зданіе и это при условіи что строили дилетанты, которые могли испортить нѣкоторыя детали,—что значить строить по хорошему проекту!

Нынѣ въ домѣ лазаретъ для раненыхъ воиновъ.

Г. Лукомскій.

Холомки. Портикъ съ іонической колоннадой.

Займствовано изъ „Country Life“.

ДЕБРИ АМАЗОНІИ.

Гдѣ то я видѣлъ карту полушарій, на которой отмѣчены мѣста, еще неизвѣстныя человѣку, по крайней мѣрѣ—культурному человѣку. Еще есть въ мірѣ такіе кусочки, на которые не ступала нога бѣлаго. Не говоря уже о сѣверномъ и южномъ полярныхъ пространствахъ, такія невѣдомыя области остались на сѣверо-западѣ Сѣверной Америки, въ центральной части Африки, въ центральной части Австраліи; цѣлый рядъ острововъ на югѣ Великаго океана, часть Патагоніи и верховья Амазонки въ Южной Америкѣ.

Передо мною книга американскаго путешественника Алькота Лэнжа: „Въ джунгляхъ Амазоніи“.

Если бы въ предисловіи не было сказано, что книга носитъ научный характеръ, что въ ней написано только то, что путешественникъ видѣлъ своими глазами, если бы въ книгѣ не было 86 фотографій, снятыхъ имъ самимъ на Амазонкѣ, то несомнѣнно получилось бы впечатлѣніе, что это одна изъ фантазій Майнъ-Рида или Фенимора Купера.

Лэнжъ рассказываетъ чудеса.

Я также былъ на Амазонкѣ, но только въ нижнемъ ея теченіи, тамъ, гдѣ она уже болѣе или менѣе культурна, а Лэнжъ описываетъ ея верховья, куда еще съ большимъ трудомъ проникаютъ только искатели каучука; даже англичане, такіе надкіе до всякихъ приключеній и путешествій, не рискуютъ до

сихъ поръ ѣздить въ дѣвственные лѣса Амазоніи. Вотъ что рассказываетъ Лэнжъ.

* * *

Изъ поселка Флореста на рѣкѣ Итекоан отправляется экспедиція искателей каучука вверхъ по рѣкѣ. Съ нею ѣдетъ авторъ. Его предупреждаютъ, что это путешествіе грозитъ страшными опасностями, что рѣдко половина участниковъ возвращается обратно, а иногда погибаютъ всѣ.

Экспедиція подымается вверхъ по рѣкѣ, въ лодкѣ, среди сплошнаго дѣвственнаго лѣса. Тропическая природа полна своихъ звуковъ. Тапиръ фыркаетъ, купающійся въ рѣкѣ, кричатъ поугаи и арапы, начинается кваканье миллионныхъ лягушекъ: въ этой резиновой странѣ кажется, что онѣ кричатъ все одно и то же „gubberboots, gubberboots!“ (галoши). Безумно надъ головою пролетаютъ вампиры, подъ вечеръ наполняетъ воздухъ своимъ страшнымъ крикомъ особая порода сова, которую зовутъ здѣсь „мать луны“. Но больше всего стараются ревунція обезьяны, крикъ которыхъ непривычное ухо можетъ принять за рыканія льва гдѣ-то вдали. Иногда воздухъ прорѣзывается жалобнымъ крикомъ какого-нибудь маленькаго животнаго, попавшаго въ пасть четвероногому хищнику или удаву.

Въ верховьяхъ Амазонки. „Озеро невинности“.

Индѣйцы увѣряютъ, что удавы обладаютъ способностью гипнотизировать не только животныхъ, но и людей. Встрѣтившись въ дѣбряхъ лѣса со взглядомъ удава, животное замираетъ, точно въ гипнотическомъ снѣ и ждетъ, не двигаясь, пока страшной змѣй будетъ угодно кинуться на него и въ слѣдующее мгновение раздавить въ своихъ страшныхъ объятіяхъ. Этимъ разсказамъ авторъ и вѣритъ, и не вѣритъ; живя среди чудесъ дѣвственной природы, онъ постепенно привыкаетъ относиться осторожно къ тому, что раньше показалось бы ему несомнѣннымъ вымысломъ: многое невѣроятное оказывается существующимъ.

Живя во Флорестѣ, авторъ ѣздилъ на рыб-

Амазонка. Густой туманъ, который тропическое солнце преодолеваетъ только къ полудню.

Кожа чудовища, уже въ сухомъ видѣ, отправленная въ Нью-Йоркъ, была длиной 54 фут. 8 дюйм. и шириной 5 фут. 1 дюйм. Совершенно сказочныя цифры! Эту сказочность учитываетъ и самъ авторъ; онъ говоритъ своимъ спутникамъ:

— „Послушайте, вотъ мы съ вами сегодня, 29 июля 1910 г., убили эту чудовищную змѣю. Мы сами ее мѣрили, мы сейчасъ стоимъ въ лодкѣ на ея шкурѣ, но когда я приѣду въ Нью-Йоркъ къ своимъ землякамъ и стану имъ разсказывать объ этой змѣй, они сочтутъ меня за лжеца и фантазера“.

На это, будто бы, одинъ изъ индѣйцевъ отвѣчаетъ:

— „Вы говорите, сэръ, что вашъ народъ

Крокодилъ изъ „Озера невинности“.

Заготовки каучуковыхъ „человѣческихъ головъ“ на берегу Амазонки.

ную ловлю съ тремя индѣйцами. Однажды они проводятъ цѣлый день въ челнокѣ и около 6 час. вечера спѣшатъ домой, чтобы попасть еще до темноты—тропическое солнце садится всегда въ 6 часовъ. По дорогѣ они слышатъ странный шумъ. Въ первый моментъ думаютъ, что это кунается тапиръ или шуршитъ въ заросляхъ крокодилъ, но одинъ изъ индѣйцевъ испуганно провозноситъ — „сукуруйю!“ Сукуруйю—это по португальски боа-констрикторъ.

Присматриваются и видятъ, что на берегу подъ большимъ деревомъ лежитъ какая-то сѣрая куча, пирамидальной формы, высотой больше сажени, наверху кучи горятъ два маленькихъ огонька. Это глаза удава!.. Увидавши удава, индѣйцы вмѣсто того, чтобы схватиться за оружіе, оцѣпенѣли. Но американецъ не растерялся, онъ прикладываетъ изъ своего ружья, какого-то невѣроятнаго калибра, и дѣлаетъ два выстрѣла въ эти свѣтящіяся точки. Выстрѣлы будятъ индѣйцевъ отъ ихъ оцѣпенѣнія, и они тоже всаживаютъ въ чудовище два заряда. Раненый удавъ описываетъ такіе круги въ воздухѣ и такъ ударяетъ хвостомъ по водѣ, что нужно какъ можно скорѣе грести на середину рѣки—одинъ ударъ хвоста могъ перевернуть лодку. Когда черезъ два часа все успокоилось и американецъ вышелъ на берегъ, то оказалось, что это была змѣя 56 фут. длиной и 2 фут. 1 дюймъ въ діаметрѣ!..

не повѣритъ, что у насъ есть змѣи длиной 56 фут., а вы разсказываете намъ, что въ вашемъ городѣ Нью-Йоркѣ есть „бараконсъ“ (дома) въ 35 и даже 40 этажей. Какъ же вы хотите, чтобы мы повѣрили въ такую нелѣпость!..

Но продолжимъ путешествіе по Итекоан.

* * *

Собиратель черепаховыхъ яицъ на Амазонкѣ.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути челнокъ останавливается у сплошныхъ зарослей. Каждый беретъ себѣ на спину небольшую запасъ провизіи, состоящей изъ сушеннаго мяса, сушеной рыбы и муки, у каждаго ружье и особый топоръ. У американца, кромѣ того, фотографическая камера и значительный запасъ хинина со шприцемъ для подкожныхъ впрыскиваній. Ежедневно хининъ принимается десятками гранъ и ежедневно дѣлаются подкожныя впрыскиванія хинина, иначе смерть отъ желтой лихорадки неизбѣжна.

Начинаютъ рубиться въ лѣсъ.

Не идутъ въ лѣсъ, а именно рубятся. Здѣшній лѣсъ—это сплошная темная масса, вѣчно насыщенная испареніями, никогда не видящая солнечнаго свѣта. Густой лѣсъ такъ заплетенъ лианами, вьюнками и вьющимися мхами и орхидеями, что ни одинъ лучъ солнца не проникаетъ сюда. Съ изумительной ловкостью индѣйцы пробиваютъ себѣ дорогу, продвигаясь другъ за другомъ въ темной чашѣ. На раз-

Берегъ Амазонки.

Берегъ Амазонки.

стоянии 2—3 фут. одинъ уже не видитъ другого! Такъ идутъ цѣлый день. Къ вечеру останавливаются у какого нибудь ручья или на случайной прогалинкѣ и дѣлаютъ тутъ „тамбу“. Къ деревьямъ или столбамъ прикрѣпляются перекладины, покрываются сверху громадными пальмовыми листьями и въ этомъ шалашѣ вѣшаются легкіе гамаки, которые каждый несетъ для себя.

Дѣвственный лѣсъ живетъ ночью своей фантастической жизнью: кричить „мать луны“, жалобно стонетъ туканъ. Громадное количество москитовъ всѣхъ породъ съ остревѣніемъ накидываются на спящихъ. Всѣ курятъ трубки, чтобы хоть немножко отогнать этихъ ужасныхъ — несущихъ желтую лихорадку, малярию и бэрибэри — насѣкомыхъ. Но они все-таки кусаются и заражаютъ кровь человѣка. Съ еще большимъ остревѣніемъ нападаютъ муравьи. Они являются откуда-то цѣлыми миллионами и ползутъ въ гамаки, несмотря на то, что веревки намазаны толстымъ слоемъ вазелина.

Въ одномъ изъ тамбу происходитъ такой случай.

Среди ночи вдругъ раздается страшный вой. Въ первый моментъ кажется, что это идетъ издали страшный ураганъ. Но откуда ураганъ въ дѣвственныхъ заросляхъ?! Звукъ все усиливается, приближается. Что-то трещитъ, ломается и вдругъ съ тѣмъ же страшнымъ воемъ проносится черезъ тамбу. Все рушится, спящіе падаютъ на землю, предводитель экспедиціи, схвативши ружье, бѣжитъ въ темнотѣ по тому направленію, куда удался ураганъ... Оказывается, что на тапира, насагаюся около тамбу, напалъ черный ягуаръ и впился ему зубами въ спину. Тапиръ со страшнымъ воемъ втискивается въ чашу, чтобы сбросить съ себя врага, но бесполезно... Тапиръ направляется къ ручью, около котораго построена тамбу, чтобы спастись въ воду, и по дорогѣ все перевертывается...

На утро тамбу покидается; начинаютъ прорубаться дальше. Въ тамбу оставляется небольшой запасъ провизіи для возвратнаго пути. Совсѣмъ какъ въ экспедиціяхъ къ полюсамъ.

На седьмомъ тамбу одинъ изъ индѣйцевъ, участниковъ экспедиціи, умираетъ отъ приступовъ желтой лихорадки, другой отъ бэрибэри.

Американецъ, идущій въ толстыхъ буйволовоыхъ сапогахъ, огражденъ нѣсколько отъ укусовъ ядовитыхъ змѣй. Но индѣйцы идутъ босикомъ, змѣи на каждомъ шагѣ. Предводителя экспедиціи кусаетъ „джарарака“ — небольшая, но ядовитѣйшая змѣя. Смерть неизбежна... Чтобы чѣмъ-нибудь помочь, американецъ бросается къ ногѣ индѣйца, высасываетъ изъ ранки кровь, насыпаетъ около ранки кучку порошу и зажигаетъ его. Маленькій взрывъ, нога индѣйца обгорѣла, но онъ, молча, стиснувши зубы, переноситъ страданія. Но и это напрасно. Черезъ два часа онъ уже мертвъ.

Самый населенный пунктъ этого каучуковаго района, поселокъ „Remate de Males“, что значитъ по-португальски „средоточіе несчастій“, всего 15—20 хижинъ. Не легко, видно, приходится тутъ даже привычнымъ амазонцамъ, если каучуковой столицѣ дали такое названіе!

Лѣта и зимы, въ нашемъ пониманіи, здѣсь, понятно, нѣтъ. Зимой называется время, когда идутъ тропическіе дожди, рѣки выходятъ изъ береговъ и заливаютъ громадное пространство — больше, чѣмъ поверхность Франціи или Германіи. Вода поднимается на 9—10 саж. выше нормальнаго уровня рѣкъ, залитымъ оказывается не только низменный лѣсъ, но даже холмы. Изъ воды торчатъ верхушки пальмъ.

Дома строятся на высокихъ пальмовыхъ столбахъ и когда наступаетъ наводненіе, все живое собирается наверхъ. Свиньи, козы, коровы, разгуливающія въ сухой періодъ по землѣ, теперь втискиваются наверхъ и живутъ вмѣстѣ съ людьми. Но въ хижину лѣзутъ не только эти домашнія животныя: ища спасенія, сюда забираются и дикія твари, до крокодиловъ включительно. Авторъ разказываетъ, какъ семья крокодиловъ поселилась у него рядомъ въ комнатѣ: онъ пробовалъ въ нихъ стрѣлять, но изъ этого ничего не вышло, пришлось согласиться на это сожительство. Крокодилъ папаша по утрамъ сильно скандалил, затѣмъ вы-

Слѣдъ, гдѣ прошелъ громадный удавъ „сукуруюу“, на песчаной отмели Амазонки.

„Озеро невинности“. Стрѣльба рыбы изъ луна.

ходилъ на охоту и къ полудню возвращался обратно. Вторая часть дня проходила спокойно...

Въ хижину залѣзаетъ громадное количество муравьевъ, скалопендръ, тарантуловъ. Чтобы надѣть свой новый костюмъ, долго лежавшій на днѣ чемодана, авторъ долженъ былъ предварительно вытряхнуть изъ кармановъ десятка два этихъ скалопендръ и тарантуловъ, не считая муравьевъ и прочей мелочи! Зато на обѣдѣ у каучуковаго богача, куда авторъ отправился въ этомъ костюмѣ, его угостили превосходнымъ ростбифомъ изъ тапира и рагу изъ маргышекъ, что показалось особенно вкусно послѣ сушеннаго мяса и муки въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ.

Оригинальная война велась съ пауками-птицеловами. Эти громадные пауки самымъ нахальнымъ образомъ забирались къ Лэнжу въ гамакъ; тотъ пробовалъ прогонять ихъ кулакомъ, паукъ удалялся на нѣсколько минутъ и возвращался снова. Лэнжъ гонялся за паукомъ съ молоткомъ. Но паукъ оказывался гораздо ловчѣе Лэнжа: того это разозлило, что онъ взялъ свое ружье большого калибра, употребляемое для стрѣльбы кабановъ, и началъ палить въ паука. Только послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ удалось застрѣлить эту тварь.

— А вы напрасно не били его большой сковородой, — сказалъ потомъ автору болѣе опытный охотникъ, знакомый съ мѣстными условіями. — Иногда сковорода лучше ружья большого калибра...

* * *

Мѣстные индѣйцы, въ глубинѣ джунглей, еще не знаютъ огнестрѣльнаго оружія. Они берутъ длинную трубку, вкладываютъ въ нее тоненькую палочку изъ очень твердаго дерева, цѣляютъ куда нужно и дуютъ въ трубку. Конецъ стрѣлы намазанъ ядомъ и малѣйшая царапина смертельна. Индѣйцы рѣдко промахиваются, стрѣляя такимъ образомъ.

Хорошій рабочій, собиратель каучуковаго сока, получаетъ въ день не менѣе 9 долларовъ (22 руб.), но при здѣшней расцѣнкѣ эта плата оказывается ничтожной. Фунтъ муки стоитъ здѣсь 1 руб. 20 коп., коробка сардинъ 3 руб. 20 коп., бутылка виски 33 руб., фунтъ сахару 80 коп., фунтъ картофеля 1 руб. 65 коп.

Дешева только человѣческая жизнь: по статистикѣ, скорѣе преуменьшенной, каждая тонна каучука стоитъ человѣческой жизни.

Кто не бывалъ въ тропикахъ, тѣ думаютъ, что тамъ ужасная жара. Лѣтомъ въ сухой нашей степи бываетъ иногда жарче, чѣмъ подъ экваторомъ. Ужасна не эта жара, а необычайная сырость воздуха. Все пропитано парами и часто даже тропическое солнце только къ полудню пробивается пелену тумана. Все сырое, почти мокрое. Ночью кругомъ молочный туманъ и въ этомъ туманѣ бродитъ желтая лихорадка. Нѣтъ ночной освѣжающей прохлады.

Изъ „Remate de Males“ во Флоресту возможно проѣхать на пароходѣ; пароходъ ходитъ, понятно, не по расписанію, а тогда,

когда собирается достаточное количество пассажировъ и груза. Это суденышко всего въ 40 фут. длиною, съ двигателемъ въ 12 лошадиныхъ силъ. На такой пароходъ сажается сотня рабочихъ, коровы, козы, ослы и товары. Все загружено такъ, что гамаки для спанья приходится вѣшать одинъ надъ другимъ въ три—четыре этажа. Хотя это и опасно, часть пассажировъ поневолѣ забирается на крышу парохода. Пароходъ идетъ день и ночь, и среди ночной темноты рулевому приходится управлять почти наугадъ. Пароходъ то толкнется къ одному берегу, то къ другому, то зацѣпится за плывущее дерево, вымытое

вмѣстѣ съ корнями, то сядетъ на мель. Но самое невѣроятное происходитъ тогда, когда пароходъ въ темнотѣ подойдетъ близко къ берегу, съ котораго въ воду нависли деревья. Какая-нибудь вѣтка вдругъ сметаетъ съ крыши все, что тамъ находилось, и въ воду летитъ багажъ, ослы, люди и прочее. Въ абсолютной темнотѣ такое купанье не особенно пріятно, тѣмъ болѣе, что за пароходомъ нерѣдко плывутъ здѣшнія громадные рыбы, а случайно бываетъ и семейство крокодиловъ. Каждый такой инцидентъ стоитъ нѣсколькихъ тюковъ потеряннаго груза и нѣсколькихъ жизней. Здѣсь всегда сначала говорить о грузахъ, а потомъ уже о жизни...

Кругомъ вода и вода, но не дай Богъ залѣзть въ эту воду. Изъ десяти случаевъ въ девяти купанье бываетъ смертельно. Не говоря о томъ, что очень большой рискъ схватить малярію или дизентерію, купающійся рискуетъ попасться въ зубы крокодилу, быть укушеннымъ водяной змѣей или ошеломленнымъ электрическимъ угремъ, а затѣмъ еще цѣлая коллекція разныхъ рыбъ, такъ или иначе нападающихъ на человѣка. Величайшая рыба Амазоніи „пираруку“ достигаетъ такихъ размѣровъ, что ее съ трудомъ несутъ четыре человѣка.

Амазонка кишитъ пиранхами. Пиранха это небольшая рыба, величиною съ нашу селедку, но съ очень острыми зубами и съ поразительнымъ нахальствомъ. Стоитъ человѣку войти въ воду, какъ она бросается на него и моментально вырываетъ куски мяса. Индѣйцы никогда не входятъ въ воду босикомъ. Ноги непременно должны

быть чѣмъ-нибудь окутаны, иначе отъ икры могутъ остаться только кости... Пиранха бросается на человѣка по-одиночкѣ, но если попасть въ цѣлую ихъ стаю, то жизни грозитъ большая опасность, рѣдко можно уйти отъ нихъ. Нѣтъ болѣе нахальнаго звѣря въ мірѣ, какъ эта пиранха.

Нѣкоторыя индѣйскія племена опускаютъ своихъ покойниковъ въ воду и черезъ два—три дня отъ нихъ остается только одинъ скелетъ, который затѣмъ покрывается особымъ каучуковымъ лакомъ и вывѣшивается на крышѣ хижины, сохраняясь многіе годы. Работу могильщиковъ исполняютъ пиранхи.

Не меньше пиранхи опасны кэндиру. Эта рыбешка всего въ 3—4 дюйма длиною, тоненькая, удивительно ловкая. Какъ только

Пальма „мурумuru“ въ заросляхъ Амазонки.

Поселокъ Флореста на Амазонкѣ „зимомъ“ (во время наводненія).

„Тамбу“ искателей каучука въ тропическомъ лѣсу Амазонки.

человѣкъ входитъ въ воду, она устремляется на него и моментально залѣзаетъ въ какое-нибудь отверстіе человѣческаго тѣла. Это дѣлается съ такой быстротой, что человѣкъ не успѣваетъ замѣтить эту операцію. Тѣло кэндиру покрыто иголками, въ родѣ какъ у нашего ерша и поэтому вытащить ее обратно почти невозможно. Или нужна сложная, опасная операція, или смерть неизбежна.

купаются здѣсь только въ особыхъ бочкахъ или ящикахъ, поставленныхъ надъ водою. Въ нихъ наливаютъ воду, внимательно осматриваютъ, не попало ли туда что нибудь, и только тогда лѣзутъ въ бочку...

* * *

Дальнѣйшія приключенія Лэнжа носятъ еще болѣе фантастическій характеръ.

Всѣ его товарищи умерли. Одни отъ желтой лихорадки, другіе—отъ укуса змѣй. Онъ остается одинъ въ темномъ, сыромъ лѣсу, также въ пароксизмѣ лихорадки, теряетъ сознание и засыпаетъ...

Просыпается онъ въ какомъ то темномъ помѣщеніи, полубезсознательно вглядывается въ окружающее, и, наконецъ, понимаетъ, что онъ въ большой хижинѣ, какъ оказывается въ „мазокѣ“, деревнѣ каннибаловъ, племени „манжеромасъ“.

Истомленный страшной болѣзью, онъ слабъ какъ ребенокъ.

Онъ лежитъ въ чемъ то вродѣ гамака, на землѣ подъ постелью сложена его одежда. Тутъ же и часть фотографическихъ пластинокъ, со сдѣланными въ джунгляхъ снимками, тутъ же и золотой песокъ изъ найденныхъ имъ въ лѣсу богатѣйшихъ золотыхъ росыпей. Каннибалы ничего не тронули, но, къ сожалѣнію, потерявъ фотографическій аппаратъ. Каннибалы то одинъ, то другой, время отъ времени, входятъ въ хижину и съ удивленіемъ смотрятъ на Лэнжа...

Лэнжъ пробуетъ заговаривать по португальски, но его никто не понимаетъ.

Проходитъ нѣсколько дней, Лэнжъ начинаетъ понимать нѣкоторыя слова нарѣчія манжеромасъ. Ему стараются дать понять, что онъ будетъ живъ, что его не съѣдятъ! Къ нему приставлены двѣ молоденькихъ дѣвушки, которымъ поручено ухаживать за нимъ. Когда онъ приходитъ въ сознание, его кормятъ какой то вареной рыбой и жареными попугаями съ бананами. Когда Лэнжъ ѣсть еще какое то мясное блюдо, у него пробѣгаетъ дрожь отъ сознанія, не кусокъ ли это жителя сосѣдней деревни?!

Здоровье Лэнжа улучшается. Его приводятъ на торжественный приемъ къ вождю племени. По бокамъ вождя сидятъ два его помощника, всѣ они разрисованы и украшены яркими перьями арапы, мутумы и другихъ здѣшнихъ птицъ—перья на головѣ, перья—въ носу и перья—около пояса...

Эти костюмы изъ перьевъ очень сложной работы, и мѣстныя женщины сидятъ за ними цѣлыми мѣсяцами. У вождя нѣсколько женъ, онѣ присутствуютъ тутъ же, сидятъ у его ногъ. Нѣкоторыя изъ нихъ достаточно красивы. Онѣ обвѣшаны ожерельями изъ зубовъ крокодила или неккари, гравированными орѣхами и кусочками выкрашеннаго дерева. Сидѣніе вождя украшено хвостами бѣлокъ и лѣсныхъ кошекъ.

Лэнжа берутъ на охоту за кабаномъ. Когда охотники замѣчаютъ животное, они легонько дуютъ въ длинную трубку, куда вложена отравленная стрѣла, стрѣла съ легкимъ свистомъ воцарается въ животное и то черезъ нѣсколько секундъ умираетъ. Стрѣляютъ двое охотниковъ и потомъ поднимается горячій споръ о томъ, чья стрѣла попала въ дикую свинью. Споръ постунаетъ на разрѣшеніе вождя, тогъ долго слушаетъ спорящихъ, и наконецъ, соломоновски рѣшаетъ: „свинья не твоя, и не твоя... свинья моя“! Спорящіе уходятъ, все успокаивается.

Ядъ, которымъ намазываются кончики стрѣлъ, готовится изъ смѣси сока особыхъ вьющихся растений. Сокъ смѣшивается въ пропорціяхъ, которыя держатся въ большой тайнѣ, затѣмъ эта смѣсь варится и нѣкоторое время выстаивается. Получается ядъ болѣе сильный, чѣмъ кураре. Дѣйствіе его поразительно: достаточно малѣйшаго укула остриемъ, которое намазано ядомъ, чтобы смерть послѣдовала черезъ нѣсколько секундъ. Что всего удивительнѣе, мясо животнаго, умершаго отъ этого яда, не ядовито.

Этимъ ядомъ отравляются не только стрѣлы, но и другое оружие, а иногда даже цѣлыя рѣчки. Врагъ, напившись изъ такого ручья, быстро умираетъ: ядъ дѣйствуетъ одинаково смертоносно, поступая и въ кровь, и въ желудокъ.

Злѣйшими врагами манжеромасъ являются собиратели каучука изъ Перу, „кабоклосо“, которые заходя въ эти дебри за каучукомъ, время отъ времени нападаютъ на малокки каннибаловъ и похищаютъ оттуда дѣвушекъ. Съ этими кабоклосо индѣйцы ведутъ ожесточеннѣйшую войну. Противъ нихъ устраиваются всевозможнѣйшія засады, капканы и самострѣлы. На дорожкахъ въ лѣсу вырываются глубокия ямы, искусно маскируемая сверху. На этихъ же дорожкахъ разсыпаются острия рыбы кости, намазанныя ядомъ—малѣйшей царапины такой кости достаточно для того, чтобы умереть. Самострѣлы автоматически пускаютъ стрѣлу, когда проходящій задѣнетъ за нить, протянутую поперекъ дорожки...

Лэнжъ видѣлъ какъ одинъ такой кабоклосо былъ пойманъ въ яму. Его извлекли оттуда и вся деревня стала готовиться къ празднику. Лэнжъ видѣлъ какъ готовилось жаркое изъ человѣческаго мяса, какъ жарились отдѣльно руки и ноги этого несчастнаго кабоклоса!..

Въ числѣ вещей Лэнжа сохранился браунингъ, дѣйствіе котораго онъ рѣшилъ показать индѣйцамъ. Эффектъ былъ поразительный, но больше всего восхищались мѣстныя женщины, которыя на завтра украсили гильзами отъ патроновъ свои уши. Лэнжу пришлось разстрѣлять всѣ патроны, такъ какъ эти серьги стали величайшей драгоценности манжеромасъ, всѣ ихъ просили...

Вмѣстѣ съ вождемъ манжеромасъ Лэнжъ совершаетъ путешествіе въ гости къ сосѣднему дружественному племени. Съ вождемъ и со свитой Лэнжъ садится въ лодку, чтобы плыть по рѣкѣ, а рядомъ плыветъ другая лодка, на которой устроено нѣчто вродѣ звукового телеграфа. Струна, натянутая на двухъ шестахъ, издаетъ какіе то удивительные звуки, изъ которыхъ составляются цѣлыя фразы, передаваемые по рѣчной глади на десятокъ верстъ. Оттуда, куда ѣдутъ, получается такой же отвѣтъ, обмѣниваются привѣтствіями.

Но Лэнжъ каждый день мечтаетъ о томъ, какъ бы выбраться отсюда, снова понасть въ культурный міръ. Наконецъ, ему разрѣшаютъ это и даютъ проводниковъ. Индѣйцы высаживаютъ его близъ устья рѣки Бранко, отсюда только пять часовъ ходу до европейскаго поселка. Дальше въ челнокѣ Лэнжъ ѣдетъ внизъ по рѣкѣ Итекоаи до Флоресты, откуда онъ отправился въ эту рискованнѣйшую экспедицію.

* * *

Читая книгу Лэнжа вѣришь ему только на половину, все полно необычайной фантастичности.

Другой американецъ—Фредерикъ Деленброкъ, написавшій предисловіе къ книгѣ Лэнжа, увѣряетъ, что ко всему этому нужно отнести съ полнымъ довѣріемъ, ибо Алькотъ Лэнжъ врать не станетъ!

И вѣришь и не вѣришь, и все-таки такъ и тянетъ туда, въ эти невѣдомыя фантастическія дебри Амазоніи, куда еще не проникла „культура“, и гдѣ природа оказывается удивительнѣе самаго фантастическаго человѣческаго вымысла.

Я обращался къ извѣстнымъ петроградскимъ зоологамъ: директору зоологическаго музея профессору Насонову и завѣдующему отдѣломъ рыбъ и рептилій въ томъ же музеѣ Бергу. Они показали мнѣ достовѣрныя научныя изслѣдованія относительно пиранхъ и кэндиру: рассказы Лэнжа вполне подтверждаются. Что касается того колоссальнаго удава, о которомъ рассказано выше,—онъ возбуждаетъ сомнѣніе, но ни одинъ серьезный зоологъ не рѣшится сказать, что это невѣроятно. Дебри Амазонки хранятъ въ себѣ еще много тайнъ...

Вообщемъ нельзя считать, что фауна нашего міра вся извѣстна. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ въ бельгійскомъ Конго было найдено новое животное „акапи“, до тѣхъ поръ никому неизвѣстное. Видимо, это животное—величиною съ лошадь—праотецъ жираффы, но съ шей нѣсколько менѣе длинной. Въ берлинскомъ зоологическомъ музеѣ имѣется скелетъ акапи и часть его шкуры, а въ британскомъ зоологическомъ музеѣ въ Лондонѣ стоятъ 5 чучель этого новаго животнаго. Открытіе его было большимъ сюрпризомъ для ученыхъ, не меньшимъ, чѣмъ недавнее открытіе въ

Амазонка. Стрѣльба изъ воздушнаго ружья отравленной стрѣлой.

области палеонтологін, когда нѣмецкіе ученые нашли въ тѣхъ же дебряхъ Африки остатки допотопнаго животнаго гигантозауруса. Этотъ гигантозаурусъ оказался въ нѣсколько разъ больше того диплодокуса Карнеги, котораго нѣсколько лѣтъ назадъ считали величайшимъ изъ допотопныхъ животныхъ. Что за милое животное былъ гигантозаурусъ, можно судить потому, что шея его была не менѣе 6 саж. длиною! Животное

было, видимо, очень глупое, такъ какъ мозгъ его не больше человѣческаго.

Едва ли возможно рассчитывать, что даже въ самыхъ глухихъ дебряхъ нашего міра удастся еще найти живыхъ чудищъ въ родѣ этихъ диплодокуса и гигантозауруса, но несомнѣнно, что и естественную науку ожидаетъ еще много сюрпризовъ! Десятки лѣтъ пройдутъ, пока такія дебри, какъ верховья Амазонки, станутъ извѣстны человѣку !)...

Вл. Крымовъ.

*) Часть этой статьи (безъ иллюстрацій) была помѣщена мною въ „Нов. Времени“. Прии. автора.

ОГЮСТИНА ДЕВЕРІЯ.

(Воспоминанія театрала).

...Это произошло въ началѣ зимы 1859 года.

Въ бенефисъ французскаго актера Бертона, въ Большомъ театрѣ, такъ какъ Михайловскій перестраивался, — давали впервые въ Петербургѣ „Орфея въ аду“...

Сама оперетка за отсутствіемъ въ труппѣ пѣвцовъ и пѣвицъ, потеряла полиѣйшее фіаско, зато дебютировавшая въ ней, въ роляхъ „Общественнаго мнѣнія“ и Венеры, молодая артистка Деверія имѣла огромный успѣхъ.

Правда, относительно ея таланта мнѣнія сильно раздѣлились, но относительно вѣщности слились во едино.

Темная шатенка, превосходно сложенная, не боявшаяся ни глубокихъ декольтѣ, ни греческихъ разрѣзовъ, съ выразительнымъ, немного чувственнымъ лицомъ и „дьявольскими“ глазками, Огюстина Деверія, съ момента появленія на подмосткахъ, приковала къ себѣ вниманіе не только сильнаго, но и слабаго пола.

Любопытствующіе тотчасъ-же навели справки и узнали, что очаровательная дебютантка — ученица Бертона, приглашенная въ труппу по рекомендаціи профессора и пріѣхавшая изъ Франціи въ Сѣверную Пальмиру въ сопровожденіи родителя, не далеко ушедшаго отъ „Папаша“ Некрасова.

На завтра вся столица говорила о необыкновенной красавицѣ. Въ тѣ далекія отъ насъ времена французы были увѣрены, что въ Россіи можно отдыхать подлѣ „снѣжно развѣсистой клюквы“, что тройка — экипажъ, „запряженный четырьмя лошадьми“, что у насъ былъ царь Иванъ Грозный, прозванный современниками за свой жестокий характеръ „Васильевичемъ“ и что у русскихъ бояръ денегъ куры не клюютъ.

Папаша и ѣхалъ въ Россію за этими деньгами. Онъ неизмѣнно присутствовалъ на всѣхъ обѣдахъ и ужинахъ, устраиваемыхъ въ честь его очаровательной дочери, сопровождалъ ее на прогулкахъ, торчалъ на сценѣ, за кулисами во время репетицій и спектаклей, словомъ, какъ Фигаро, былъ всюду и вездѣ рядомъ со своей дорогой Огюстиной, красота которой, въ концѣ концовъ, должна была обогатить его.

Однако, расчеты его не оправдались.

* * *

На одной изъ репетицій „Demi-monde“ Бертонъ, пользуясь правомъ профессора, сдѣлалъ рѣзкое замѣчаніе своей ученицѣ. Чадолубивый папаша, за послѣднее время привыкшій видѣть со всѣхъ сторонъ только поклоненіе красотѣ его дочери, моментально оскорбился за нее.

Слово за слово, страсти разгорѣлись и пустяжное недоразумѣніе разразилось настоящимъ скандаломъ.

Папаша вдругъ вспомнилъ, что Бертонъ еще въ Парижѣ, во время одного изъ уроковъ, соблазнилъ Огюстину, и, по словицѣ: „лучше поздно, чѣмъ никогда“, бросился на соблазнителя съ палкой...

Начальство взглянуло на дѣло весьма серьезно, принявъ сторону Деверія, и бѣднаго Бертона въ 24 часа выслали за-границу.

Огюстина ничуть не огорчилась происшедшимъ.

Опека папаша и профессора связывала ее по рукамъ и по ногамъ. Будучи отъ природы больше куртизанкой, чѣмъ актрисой, она теперь могла жить въ полное свое удовольствіе.

И, дѣйствительно, въ теченіе дальнѣйшихъ пяти лѣтъ ея слава росла не по днямъ, а по часамъ...

Наши „громовержцы“, по примѣру стараго Юпитера, обильно осыпали эту новую Даная золотымъ дождемъ...

Она, какъ Арахнея, опутываетъ всѣхъ своими сѣтями и мѣняетъ любовниковъ, какъ перчатки, когда увидитъ, что они больше не въ состояніи оплачивать ея чудовищныхъ расходовъ...

Присутствуя въ театрахъ на всѣхъ первыхъ представленіяхъ въ ложѣ бель-этажа, — въ тѣ времена дамы, подобныя ей, не имѣли

права занимать другія мѣста, — наша француженка интересовала публику куда больше, чѣмъ новыя пьесы.

Тогда еще не существовало театральныхъ „новаторовъ“, въ погонѣ за „настроениемъ“, погружающимъ зрительный залъ въ безпроевѣтную тьму, почему въ теченіе всего спектакля зрители могли любоваться этимъ „enfant gâté“ Петербурга.

Около ея ложи, въ антрактахъ, длинной вереницей дежурили алчущіе и жаждущіе милости поцѣловать очаровательную ручку красавицы...

* * *

Въ 1866 году дирекція, неизвѣстно за какія заслуги, дала Деверію бенефисъ. Красавица, не долго думая, рѣшила поставить „La belle Héléne“ Оффенбаха, о которой мечтали весь Петербургъ, наслышавшись объ опереткѣ, имѣвшей колоссальнѣйшій успѣхъ въ Парижѣ.

Но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать.

Наша цензура посмотрѣла очень косо на желаніе артистки, и петербуржцы, вѣроятно, не увидали бы этого шедевра Оффенбаха, если бы въ дѣло не вмѣшались „третьи лица“ — вліятельные друзья Огюстины, благодаря усиленнымъ ходатайствамъ которыхъ цензурное veto было снято.

Сборъ на бенефисъ былъ, конечно, огромный. „La belle Héléne“ имѣла головокружительный успѣхъ, а Деверія, ко всеобщему удивленію, блестяще сыграла заглавную роль.

Послѣ этого ея жизнь въ нашей столицѣ превратилась въ сплошную вакханалію. Огюстину буквально носили на рукахъ. Поклонники, одинъ передъ другимъ, старались отличиться въ глазахъ красавицы, швыряя деньги на всевозможныя чудачества, которыя приходили ей въ голову и на которыя она была неистощима.

Въ это время въ обществѣ много говорили о знаменитой фавориткѣ Наполеона III, красавицѣ графинѣ Варасси-Кастильоне, явившейся на одинъ изъ придворныхъ маскарадовъ въ Тюльери въ костюмѣ „туза червей“, кромѣ котораго на ея тѣлѣ не имѣлось никакихъ другихъ украшеній.

Слушая эти рассказы, Деверія откровенно заявила, что не находитъ въ поступкѣ графини ничего необыкновеннаго. Если женщина прекрасна, она можетъ, какъ Фрина, безбоязненно обнажаться.

И вотъ, вскорѣ на одномъ изъ интимныхъ ужиновъ, у извѣстнаго петербургскаго присяжнаго повѣреннаго С—о, въ его особнякѣ на Литейномъ проспектѣ, существующемъ и теперь, Огюстина Деверія, обнаженная, въ вакхической позѣ, была подана на столѣ на роскошно украшенномъ блюдѣ, несомомъ шестью лакеями...

* * *

Этотъ ужинъ сталъ притчей во языцѣхъ Петербурга. Тѣ, которымъ не удалось попасть на него, собирались сдѣлать „повтореніе бенефиса“, но полиція, провѣдавъ объ этомъ, сдѣлала внушеніе смѣлой француженкѣ, доказавъ ей, что наша столица не древняя Аѳины и что при нашемъ непостоянномъ климатѣ, она можетъ серьезно простудиться.

Кромѣ того, француженкой заинтересовались судебныя власти, къ которымъ, то и дѣло, стали поступать жалобы на неисправныхъ должниковъ, тратившихъ на артистку капиталы, въ большиствѣ не свои.

Все это вмѣстѣ вѣтное повело къ тому, что дирекція не продолжала съ Деверіей контракта, и она, сыгравъ въ свой бенефисъ 10 ноября 1868 года роль Тото въ „Le châteaü à Toto“, больше на сценѣ не выступала, а вскорѣ и совсѣмъ исчезла съ петербургскаго горизонта, къ огорченію ея поклонниковъ и радости ихъ близкихъ...

Левъ Ивановъ.

Царское Село. Лазаретъ имени л.-гв. Уланскаго Ея Величества полка въ день полкового праздника.
(Лазаретъ оборудованъ Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Александрою Феодоровною и содержится на средства бывшихъ офицеровъ полка и наличнаго состава его).

Сидятъ: граф. М. I. Шуленбургъ, Н. Г. Каземъ-Бекъ, А. Г. Охотникова, начальникъ лазарета, камергеръ Двора Е. И. В. полк. бар. Е. К. Каульбарсъ, Е. И. В. Вел. Княжна Татьяна Николаевна, супр. команд. л.-гв. Улан. Е. В. Г. И. Александры Феодоровны полка Л. А. Княжевичъ, Е. И. В. Государыня Императрица Александра Феодоровна, Е. И. В. Вел. Княжна Ольга Николаевна, Н. С. Скалонъ, О. И. Адлербергъ, княг. М. А. Трубецкая. Стоять: ген.-лейт. бар. В. И. Сталь фонъ-Гольштейнъ, ген.-ад. П. П. Барановъ, А. М. Маркозова, княг. Ф. К. Кудашева, проф. А. А. Эbermanъ, А. П. Винбергъ, В. С. Бобошко, ст. врачъ лаз. докт. Р. А. Гутовскій, В. В. Длуская, О. А. Дворжицкая, княг. С. Л. Кропоткина, М. В. Филишова, А. П. Ильина, докт. Г. И. Бесѣдинъ, Е. В. Альгина, барон. Е. В. Каульбарсъ, Е. Н. Маіорова, Г. Н. Назимова, барон. Т. А. Каульбарсъ. Сидятъ на полу: шт.-ротм. Скалонъ, шт.-ротм. Гурьевъ, шт.-ротм. кн. Трубецкой, Л. С. Маркова, Е. С. Маркова, пор. Чичаговъ, корн. Коростовецъ, корн. кн. Кудашевъ.

Лазаретъ для раненыхъ воиновъ имени бывш. воспитанницъ училища ордена Св. Екатерины.
Е. И. В. Государыня Императрица Марія Феодоровна, графиня Менгденъ, попечительница лазарета, св. кн. Е. А. Имеретинская, почтн. попеч. шталм. А. В. Пангелъевъ, начальница института Е. М. Ершова, старш. вр. Р. И. Колуджуровичъ, Е. П. Лейманъ, С. М. Сѣверина, ст. сестра Колмовская, сестры — П. И. Попова, Я. А. Берникова, Л. Н. Озерова и друг.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна въ Юсуповскомъ лазаретѣ.
Среди снятыхъ въ группѣ: Е. И. В. Великая Княгиня Ксенія Александровна, Е. В. Княгиня Ирина Александровна, И. В. князья — Андрей Александровичъ, Феодоръ Александровичъ, Ростиславъ Александровичъ и Василій Александровичъ; князь Ф. Ф. Юсуповъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ, ст. врачъ д-ръ Жигановъ, ст. сестра Е. Н. Трубникова и др.

Княг. Нина Влад. Голицына. Работаетъ въ санитарномъ поѣздѣ Великой Княжны Маріи Николаевны.

Княг. Ек. Ник. Голицына, рожд. Хвоцинская, супруга церемоніймейстера. Работаетъ въ лазаретѣ Имп. Ник. Воен. Акад. Организовала въ своемъ имѣннѣи мѣстное управл. и лазаретъ (въ сл. Новой-Водолагѣ, Харьковской губ.).

Мар. Пор. Сементовская-Курилло.

Сестра милосердія І. Н. Леонтѣева, рожд. Канивальская, вдова извѣстнаго изслѣдователя Абиссиніи Н. С. Леонтѣева.

Фрейлина Ел. Мих. Крупенская, работаетъ въ лазаретѣ Имп. Ник. Воен. Академіи.

Ел. Фед. Иваненко, рожд. барон. Гейнриггенъ-Гюне.

Дамы, работающія на нужды войны.

Алекс. Павл. Петровская, рожд. Шипова, супруга флиг.-адъют.; уѣхала сестрой милосердія на войну.

Княжна Шаховская, сестра милосердія и авіаторъ.

О. Н. Одинцова, рожд. княжна Путятіна. За санитарную службу подъ огнемъ непріятеля награждена Георгіевскими медалями 4-й и 3-й степеней.

Стоять: А. П. Смирнова,
М. А. Тесьмина и А. С.
Шереметевская.

Москва. Складъ Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Тео-
доровны въ Николаевскомъ Дворцѣ.

Завѣдывающая складомъ фрейлина М. Н. Ермолова, А. В. Татаринова,
Т. Г. Карповъ, Е. М. Шереметевская, Н. Я. Эрихсонъ, М. А. Хлѣбникова,
графъ В. Ф. Уварова, графиня Бѣлевская, С. Н. Корнилова и др.

Ташкентъ.—Дамскій Комитетъ въ домѣ генераль-губернатора, снабжающій бѣльемъ туркестанскій санитарный поѣздъ № 191
и туркестанскіе корпуса.

Слѣва направо сидятъ: Л. Н. Сахарова, О. Ф. Кондратовичъ, О. Е. Иванова, Т. М. Чарторижская, Ю. К. фонъ-Кохъ (вице-предсѣдательница),
туркестанскій ген.-губерн. Ф. В. Мартсонъ, Е. Д. Галкина—предсѣдательница, Г. Ф. Гвоздецкая, Е. П. Кондратовичъ, Е. Б. Татищева,
М. О. Короткая. Стоять: Е. Л. Хомутова, В. Т. Вербовскій (секретарь), С. В. Леськевичъ, М. Я. Уссаковская, Е. Д. Миллеръ, М. П.
Бойчевская, Е. Л. Елшанкина, Р. І. Рахальская, В. А. Сарычева, П. А. Сердюкова.

Петроградъ. Лазаретъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Лид. Ал. Шевякова, супруга товар. министра, баронесса Раиса Влад. Таубе и завѣдующій лазаретомъ проф. Е. А. Незнамовъ, у постели раненаго.

Петроградъ. Лазаретъ Министерства Финансовъ. Сестры: Н. Ф. Чегодаева, Н. Б. Гонекъ, Н. П. Хотинская, Е. П. Морозовичъ, Н. Н. Бернадъ-де-Граве.

Въ группѣ: оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ, врачебный персоналъ и раненые.

Петроградъ. Лазаретъ при оберъ-прокурорскомъ домѣ. (Выздоровливающіе).

Дамы, работающія на раненыхъ воиновъ въ организаціяхъ Краснаго Креста и другихъ.

Елиз. Павл. Ребиндеръ (рожд. граф. Кутайсова). Супруга Харьковскаго Губернскаго Предводителя Дворянства.

Харьковъ. Работа на раненыхъ въ зданіи Харьковскаго Дворянскаго Собранія.

Ол. Ал. Лозино-Лозинская (рожд. Шмакова) супруга Пермскаго губернатора.

Въ сербскомъ лазаретѣ. Среди сестеръ милосердія Нат. Петр. Лишина.

Баронесса Медемъ, супруга Псковскаго губернатора.

Н. П. Лишина, работала какъ сестра милосердія во время балканской войны въ Сербіи, теперь на нашихъ передовыхъ позиціяхъ; награждена Георгіевскою медалью.

**Петроградъ. Лазаретъ Н. А. Терещенко
имени Е. И. В. Государыни Императрицы
Александры Феодоровны.**

Въ группѣ: врачи—К. А. Данилевичъ, С. Е. Шрейберъ, женщина-врачъ Н. Н. Пашкова;
сестры милосердія:—А. А. Пашу, А. Г. Стрѣльбицкая, О. А. Музалева, Е. А. Вентцель, С. П.
Языкова, О. Г. Дитмаръ, М. О. Беренсъ и раненыя.
Лазаретъ оборудованъ на 85 кроватей.

Над. Алекс. Терещенно.

Петроградъ. Лазаретъ Петроградско-Тулскаго Поземельнаго банка во главѣ съ завѣ-
дующей, супругой члена Государств. Совѣта А. К. Шрейберъ, директорами банка П. Г.
Сорокинымъ, П. П. Матвѣевымъ, вице-адмираломъ И. Ф. Бостремъ и старш. врачомъ с. с.
Е. Ф. Клопферъ. Среди дежурныхъ сестеръ: состоящая при Великой Княгинѣ Маріи Геор-
гивнѣ О. Н. Философова, Е. Г. Болина, дочь дѣйств. тайн. сов. Е. Э. Фришъ, вдова флиг-
адъютанта М. А. Гедеванова, А. А. Чаплина, С. Я. Кобецкая и др. Снимокъ произведенъ
послѣ посѣщенія лазарета ген.-ад. княземъ Васильчиковымъ, по повелѣнію Его Император-
скаго Величества пожаловавшимъ нѣкоторымъ раненымъ нижнимъ чинамъ георг. медали.
Раненыя—нижніе чины, георгіевскіе кавалеры.

„Репетиція балета“.
Э. Дега.

„L'encore“.
Арт. Криспъ.

„Въ театрѣ“.
(Симона Фреваль).
А. Эмбергъ.

ИТОГИ МУЗЫКАЛЬНАГО СЕЗОНА.

Подъ грохотъ орудій начался истекшій музыкальный сезонъ. Но все же не замолкли музы. Попржепему обаяеть сердца Евтерпа, и быть можетъ, давно уже не наблюдалось у насъ такого сильнаго увлеченія музыкальнымъ искусствомъ, какъ въ эту тяжелую годину. Но все же исключительныя условія не могли не сказаться на теченіи музыкальной жизни. Событія военнаго времени повлекли за собой коренную переработку репертуара оперныхъ представлений и концертовъ, изъ коего изгнаны были произведенія нѣмецкихъ авторовъ, которымъ въ прежніе годы удѣлялось значительное мѣсто. Совершенно бойкоту подверглись германскіе композиторы на Императорской сценѣ. Вагнеровскія музыкальныя драмы не ставились ни въ Петроградѣ, ни въ Москвѣ. Обычный Вагнеровскій абонементъ замѣненъ былъ цикломъ изъ оперъ Римскаго-Корсакова. Это само по себѣ чрезвычайно отрадное „официальное“ признаніе значительности творчества русскаго опернаго композитора, однако, омрачалось мыслью о томъ, что, повидимому, Римскій-Корсаковъ былъ призванъ замѣнить собой Вагнера только потому, что изъ четырехъ обязательныхъ спектаклей три могли быть заняты изъ постояннаго фонда уже поставленныхъ оперъ. Последнія („Снѣгурочка“, „Майская ночь“ и „Китежъ“), ничѣмъ идейно не объединенныя, исполнялись попржепему вяло, съ какимъ-то холоднымъ уныніемъ. Исключеніе было сдѣлано только для „Царя Салтана“, вѣшнымъ солнцемъ озарившаго казенную сцену.

Волшебная яркость этой музыки совершенно плѣнила сердца петроградцевъ, и въ музыкальныхъ кругахъ только и разговоръ было, что о „Салтанѣ“. Опера поставлена была режиссеромъ Лосскимъ, проявившимъ много вкуса въ осуществленіи дубочно стилизаціоннаго плана, продиктованнаго самымъ существомъ такого театральнаго представленія. Упрекнуть его можно было бы лишь въ чрезмѣрно оживленномъ сценостроеніи, нѣсколько отвлекавшемъ вниманіе слушателей отъ музыкальныхъ красотъ и причудливыхъ красокъ партитуры. Истинное художественное пиришествво являлся собой декорация и костюмы по рисункамъ Головина и Коровина. Составъ артистовъ такъ же, какъ и руководство музыкальной частью (находившейся въ рукахъ Коутса) не оставляли желать лучшаго...

Кромѣ премьеры „Салтана“ состоялось еще возобновленіе безнадежно устарѣлой „Гальки“ Монюшко и „Богемы“ нашего новаго музыкальнаго союзника, Пуччини.

О другомъ крупномъ оперномъ театрѣ, „Театрѣ Музыкальной Драмы“ уже говорилось въ обзорѣ № 34. „Музыкальная Драма“ продолжала идти по пути, намѣченному ею съ первыхъ постановокъ. Путь этотъ опредѣляется тяготѣніемъ къ художественному реализму, не исключаяющему, однако, весьма свободнаго обращенія съ текстомъ и музыкой исполняемыхъ произведеній... Такое стремленіе къ режиссерской новизнѣ „à tout prix“ давало часто результаты самаго опеломляющаго свойства. Правда, руководителямъ театра удавалось во многихъ случаяхъ снять потемнѣвшіе лаки со старыхъ запытыхъ оперныхъ образовъ, но иногда эта реставраторская работа приводила къ тому, что вмѣстѣ со слоємъ пыли удалялась и самая художественная основа. Приемы режиссерской обработки строптивыхъ либретто и партитуръ оказались чрезвычайно разнообразными. То различными сокращеніями и измѣненіями темновъ достигалось совершенно новое музыкальное освѣщеніе („Евгеній Онѣгинъ“, „Фаустъ“, „Борисъ Годуновъ“), то кореннымъ образомъ мѣнялся характеръ исполненія общезвѣстныхъ номеровъ (въ „Фаустѣ“, напримѣръ, партію Зибеля пѣлъ теноръ вмѣсто меццо-сопрано, въ „Севильскомъ Цирульникѣ“ партія Розины предложена

была, ввидѣ опыта, меццо-сопрано и т. д.), то, наконецъ, настолько радикально реформировалась планировка отдѣльныхъ сценъ, что не было возможности узнать знакомой еще съ дѣтскихъ лѣтъ оперы („Фаустъ“, „Борисъ Годуновъ“, отчасти „Карменъ“, поставленную почему то въ современныхъ костюмахъ). Минуя рядъ новыхъ постановокъ, я хотѣлъ бы отмѣтить наиболее пріемлемую изъ нихъ, „Севильскаго Цирульника“. Очень удачно было найдено „Музыкальной Драмой“ равновѣсіе между драматической игрой артистовъ и ихъ вокальнымъ исполненіемъ. Сценическая обстановка, задуманная повидимому, подъ вліяніемъ „Трактирщицы“ (Московскій Художественный Театръ), проникнута была подлиннымъ духомъ эпохи. Превосходно велъ оркестръ вновь приглашенный дирижеръ Фительбергъ.

Въ третьемъ оперномъ театрѣ столицы, „Народномъ Домѣ“ новыхъ постановокъ не было. Возобновлены были „Горе отъ ума“ М. Иванова и „Фингалова Невѣста“ Курдюмова.

Общее количество концертовъ, пожалуй, не уменьшилось по сравненію съ прошлыми годами. Измѣнился только ихъ характеръ. Огромное большинство концертовъ прошло подъ флагомъ благотворительности. И слѣдуетъ отмѣтить, что артистическія силы Петрограда проявили трогательную готовность придти на помощь жертвамъ войны. Музыкальная мобилизація прошла блестяще и многие изъ призванныхъ проявили прямо удивительную выдержку и неутомимость. Изъ постоянныхъ „фундаментальныхъ“ концертовъ предпріятій въ этомъ году функционировали только два: концерты С. Кусевицкаго и концерты Императорскаго музыкальнаго общества. Концерты Кусевицкаго въ этомъ сезонѣ происходили въ Маломъ театрѣ, мало благоприятномъ въ акустическомъ отношеніи. Но, тѣмъ не менѣе, нынѣшній циклъ 8 концертовъ можно считать однимъ изъ наиболее удавшихся и интересныхъ, данныхъ до сихъ поръ Кусевицкимъ. Интересъ этотъ обусловливался чрезвычайной содержательностью программъ и исполненіемъ самого устроителя концертовъ, являющагося однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ дирижеровъ. Изъ наиболее впечатляющихъ новинокъ отмѣчу кантату московскаго композитора Сергѣя Танѣева „По прочтеніи псалма“, совершенно изумительную по мастерству фактуры, превосходную, насыщенную музыкальными идеями вторую симфонію д'Энди и очаровательную кантату Дебюсси „Дѣва Избранница“. Настоящимъ музыкальнымъ празднествомъ было увлекательное исполненіе „торжественной мессы“ Баха на этихъ концертахъ.

А. И. Зилоти, абонементные концерты котораго завоевали себѣ прочныя симпатіи петроградцевъ, обратилъ свою энергію на устройство безплатныхъ народныхъ концертовъ, поставленныхъ имъ на большую художественную высоту. Возобновленіе его дирижерской дѣятельности предполагается осенью текущаго года.

Продолжали свою полезную просвѣдительную дѣятельность музыкально-историческое общество имени графа Шереметева (лекціи и концерты), а также и Придворный оркестръ (циклъ произведеній русскихъ композиторовъ).

Къ чрезвычайно отраднѣмъ явленіямъ настоящаго художественнаго сезона мы относимъ также наблюдаемое нынѣ повышение интереса къ камерной музыкѣ. Это новое теченіе въ нашей музыкальной жизни свидѣтельствуеетъ о высокомъ уровнѣ вкуса и вѣрномъ пониманіи задачъ музыкальнаго искусства, наиболѣе *интимнаго* проявленія челоуѣческаго творчества.

Камерное искусство представлено было двумя циклами вечеровъ „Музыкальнаго Современника“ (подъ этимъ заглавіемъ съ осени въ Петроградѣ будетъ выходить, подъ редакціей А. Н. Римскаго-Карсакова, новый журналъ музыкальнаго искусства) и вновь на родившагося „камернаго кружка“.

На концертахъ „Современника“ исполнялись исключительно произведенія молодыхъ русскихъ авторовъ (Акименки, Гнѣсина, Стравинскаго, Прокофьева, Каратыгина, Сенилова, Вейсбергъ, Яворскаго, Станчинскаго, Шведова и другихъ), оцѣнка творчества которыхъ требуетъ подробнаго разсмотрѣнія, выходящаго уже за

НА РАСПУТЬИ.

(О Московскомъ Художественномъ театрѣ).

Московскій Художественный театръ возникъ въ то время, когда въ русскомъ обществѣ вполнѣ ясно обозначились два противоположныхъ театральнѣхъ теченія. Одно теченіе, воспитанное на славныхъ традиціяхъ Московскаго Малаго и Александринскаго театровъ, ничего не желало большаго, какъ видѣть дальнѣйшее развитіе театровъ въ направленіи однажды ими выбранномъ. Другое теченіе, либеральное, не отвергая заслугъ названныхъ театровъ, въ то же время властно требовало пересмотра старыхъ театральнѣхъ формъ. Въ числѣ многихъ логическихъ доводовъ, оправдывавшихъ такой пересмотръ, одинъ казался неопровержимымъ. Это Мейнингенцы, въ то время только что закончившіе свое триумфальное шествіе по Европѣ. Пока стороны спорили, Москва первая дала толчекъ реформѣ. Въ скромномъ помѣщеніи Охотничьяго клуба, на крошечной сценѣ заиграла небольшая труппа любителей, сразу обратившая на себя вниманіе театраловъ. Уроки Мейнингенцевъ послужили имъ въ пользу. На-лицо были всѣ отличительныя признаки новаторовъ: ансамбль, живая толпа, стильная обстановка. Однако, когда, взаи́мнѣ маленькой скорлупки, выросъ настоящій театръ, волна модернизма какъ будто отхлынула, во всякомъ случаѣ, перестала играть главенствующую роль. Почему такъ? Что произошло съ новаторами? Для объясненія такого явленія, необходимо нѣсколько углубиться въ сущность вопроса. Дѣло въ томъ, что возникновенію Художественнаго театра предшествовала весьма основательная перегруппировка общественнѣхъ силъ. Къ началу 90-хъ годовъ незамѣтно исчезли народническія тенденціи восьмидесятниковъ. На смѣну отжившаго пришли бодрія ученія о грядущемъ расцвѣтѣ Россіи на началахъ капитализма. Единодержавнымъ былъ признанъ К. Марксъ, его намѣстниками — цѣлый рядъ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Въ самой литературѣ произошелъ большой уклонъ въ сторону. Послѣ Чехова, долгое время исключительно царившаго надъ толпой, вдругъ заговорили о нѣкоемъ недоучкѣ-малярѣ, скрывшемся подъ псевдонимомъ Горькаго. Первые звуки новаго пѣвца повѣяли чѣмъ-то свѣжимъ и бодримъ. Чеховъ попрежнему рисовалъ хмурыхъ людей, забытыхъ жизнью, если и ожидающихъ что-либо впереди, то не ранѣе, какъ черезъ триста лѣтъ. У Горькаго нашлись другія краски. „Не правда, что жизнь мрачна“ говорили его герои, — „не правда, что въ ней только язвы да стоны, горе и слезы... Въ ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и свѣтлое“. Эта перемѣна настроенія понималась, какъ великолѣпный прогнозъ обновляемой Россіи. Реформы назрѣвали, по крайней мѣрѣ къ нимъ готовились. Въ эту эпоху хороши были всѣ средства пропаганды, сценическія — лучше другихъ. И, конечно, не на одномъ только усовершенствованіи сценическихъ формъ могъ въ эту минуту опереться новый театръ. Форма — формою (въ этомъ отношеніи завѣтъ Мейнингенцевъ сдѣлала свое дѣло), но для даннаго случая гораздо важнее было знать, каковы гражданскіе идеалы руководителей театра. Поэтому такъ нелиньи и бездоказательны утвержденія нѣкоторыхъ критиковъ, что основа Художественнаго театра — культура какихъ-то „сверчковъ“. Никогда театръ, по крайней мѣрѣ въ эту эпоху, не привлекъ бы къ себѣ вниманіе публики, прочныя симпатіи и болшія средства пропагандой исключительно художественныхъ прин-

циповъ. Недаромъ основатели Художественнаго театра, Немировичъ-Данченко и Станиславскій, назвали его сначала Художественно-общедоступнымъ театромъ. Какъ и въ эпоху, предшествовавшую первой французской революціи, театръ долженъ былъ сыграть роль популярной книжки, общедоступной лекціи. Какъ и тогда, публика встрѣчала тамъ изложеніе своихъ любимыхъ теорій, отвѣты на волнующіе ее вопросы. Что изъ того, что все это преподносилось эзоповскимъ языкомъ, въ символическихъ образахъ? Истину черпали между строкъ, понимали на полу-словъ, одними намеками. То, что было не совсѣмъ ясно, досказалось критикой.

Театръ началъ съ „Царя Ѳеодора Іоанновича“, потомъ поставилъ „На днѣ“ Горькаго, „Дикую утку“ Ибсена, его же „Доктора Штокмана“, „Одинокихъ“ и „Потонувшій колоколь“ Гауптмана, „Юлія Цезаря“ Шекспира. Всѣ эти пьесы своими основными мотивами, какъ нельзя лучше, отвѣчали настроеніямъ массы. На-лицо были наиболѣе жгучіе интересы дня. Властитель думъ К. Марксъ замѣтно просвѣчивалъ въ многословной болтовнѣ „бывшихъ людей“ Горькаго, его соперникъ, дѣлившій съ нимъ успѣхъ у русской публики, Ницше, былъ великолѣпно представленъ протестующими героями Ибсена и Гауптмана. Безобидному романтику А. Толстому приписали тенденціи, никогда ему, вѣроятно, не снившіяся: тисета власти передъ величіемъ задачъ государственнаго строительства. Я чуть было не забылъ драмъ Чехова. Но „позть сумерокъ“, вскорѣ ставшій фетишемъ Художественнаго театра, ничуть не мѣшалъ компании „избранныхъ“. Наоборотъ. Его безотрадная муза, принижавшая русскаго челоуѣка до сознанія безвыходности своего положенія передъ русскою дѣйствительностью, не безъ умысла противопоставалась свѣтлымъ горизонтамъ западной мысли и тѣмъ самымъ усугубляла необходимость обновленія.

За кажущейся стѣной всякихъ новшествъ, выдумокъ и достижений, ярко выступала основная тенденція передовыхъ людей того времени: выполнить гражданскій долгъ передъ родиной. Другой, конечно, вопросъ, чего въ этомъ смыслѣ достигъ театръ и что отъ „политическаго“ прошлога перешло въ наслѣдіе будущему. Въ сущности послѣдній вопросъ занимаетъ насъ больше перваго. Какъ бы ни были велики заслуги театра въ общественномъ и политическомъ смыслѣ, до театра, какъ артистическаго института, они касаются весьма мало. Роль эта временная и преходящая, какъ временныя и преходящія роли земледѣльца или ученаго, призванныхъ на войну солдатами. На полѣ брани они проявляютъ чудеса храбрости, но отъ этого нисколько не выиграетъ ни наука, ни земледѣліе. Для учрежденія же, выросшаго на политическихъ дрожжахъ, такое положеніе является даже обязательнымъ. Зритель привыкаетъ видѣть въ театрѣ выраженіе извѣстныхъ стремленій, и когда больше не находитъ ихъ, разочарованъ и сердитъ. Истину этихъ словъ лучше всего позналъ на себѣ Художественный театръ. Въ расцвѣтѣ его дѣятельности умеръ Чеховъ. Смерть эта была для театра роковой въ двухъ отношеніяхъ. Прежде всего въ лицѣ Чехова уходилъ со сцены писатель, вмѣстѣ съ Немировичемъ-Данченко и Станиславскимъ составлявшій триединую сущность театра. Чеховъ создалъ славу Художественнаго театра, какъ театръ создалъ изъ Чехова драматурга. Потеря такого челоуѣка была

Musicista.

особенно чувствительна въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за 1904—1905 годами. Какъ извѣстно, періодъ этотъ ничѣмъ не обогатилъ драматическую литературу, а многихъ драматурговъ направилъ по пути, ничего не имѣвшемъ общаго съ искусствомъ. Въ такую пору близость къ театру писателя, нашедшаго въ немъ воплощеніе своихъ образовъ, могла быть спасительной для дѣла. Конечно, трудно сейчасъ сказать, что далъ бы Чеховъ на другой день послѣ революціи. Послѣднія его произведенія, въ томъ числѣ „Вишневы садъ“, обнаруживаютъ нѣкоторый сдвигъ въ настроеніяхъ поэта. Прекрасный садъ вырубается, но на смѣну ему вырастаетъ нѣчто новое, можетъ быть не менѣе прекрасное для жизни. Во всякомъ случаѣ, не грубому Лопахину быть строителемъ обновляемой Россіи. Онъ своими мозолистыми руками только расчиститъ мѣсто, но свѣтлую, просторную хоромину построятъ нѣжная рука Вари и „облѣзлый студентъ“ Трофимовъ...

Другимъ послѣдствиемъ роли Чехова и его драмъ въ Художественномъ театрѣ были особые приемы сценической игры. Драматическое искусство имѣетъ свои опредѣленные законы, коимъ пьесы Чехова не отвѣчаютъ вовсе. Но, безъ сомнѣнія, Чеховъ, подобно Метерлинку, ввелъ въ обращеніе интереснѣйшія разновидности діалога, которымъ Художественный театръ съ гениальнымъ прозрѣніемъ подобралъ соответствующія формы. Полученная такимъ путемъ, комбинація создавала дѣйствительно необыкновенно гармоничное цѣлое, ставшее вскорѣ исключительной привилегіей театра. На театральномъ жаргонѣ появились даже спеціальныя выраженія. Говорили: „играть въ чеховскихъ тонахъ“, „ставить пьесу съ чеховскими настроеніями“ и т. д. Однако, при всѣхъ достоинствахъ и новизнѣ такихъ приемовъ, они заключали въ себѣ нѣкоторую опасность для театра. Извѣстно, что въ житейскомъ быту, чертовѣкъ, имѣющій успѣхъ какими-нибудь движеніями (жестомъ, манерой говорить, улыбкой), охотно повторяетъ эти движенія. Дальнѣйшій успѣхъ ихъ зависитъ уже отъ такта человѣка, когда и гдѣ онъ ихъ используетъ. Эти простыя житейскія истины, но совсѣмъ уцѣль Художественный театръ. Увлечшись удачно найденной формулой, онъ сталъ примѣнять ее безъ разбора, къ Чехову одинаково, какъ къ Островскому, къ Тургеневу, какъ къ Гоголю. Отсюда цѣлый рядъ тактическихъ ошибокъ, безспорно отразившихся на успѣхахъ театра.

Эти положенія необходимо было выяснитъ, чтобы опредѣленно представить себѣ роль театра во второмъ періодѣ его дѣятельности, послѣ смерти Чехова. Передъ театромъ тогда впервые всталъ сакраментальный вопросъ: что дѣлать дальше, куда направить свою энергію? Оставаться на одномъ мѣстѣ невозможно. За свою пятнадцатилѣтнюю работу театръ создалъ опредѣленное міросозерцаніе. Ему вѣрятъ на слово, какъ вѣрятъ солидной банкирской фирмѣ, могущей во всякое время уплатить любую сумму. Все стало доступно такому учрежденію: онъ вліяетъ на казенные театры въ Россіи, на театры иностранныя за границей. Въ числѣ послѣдователей его называютъ Антуана, Рейнгарда и т. д. Положеніе всегда обязываетъ. Тѣмъ не менѣе, новый репертуаръ еще не дается театру въ руки. Пробуютъ классиковъ. Къ нимъ приходятъ отчасти изъ самолюбія: какъ такъ, образцовый театръ, российский Одеонъ, и безъ классическихъ писателей на фронтонѣ? Затѣмъ классики могутъ пригодиться еще въ другомъ смыслѣ. Устами великихъ старцевъ можно иногда вѣщать то, что обыкновенно запрещается меньшимъ богамъ. Но попытки эти въ общемъ неудачны. Театру опредѣленно мѣшаютъ остатки прежнихъ пиршествъ, наслѣдство Чехова. Его тона, примѣненные къ Грибоѣдову и Гоголю, не даютъ прежняго успѣха. Это вполне понятно. Классическіе писатели тѣмъ и исключительны, что вовсе не нуждаются въ арсеналѣ вспомогательныхъ средствъ, необходимыхъ для другого сорта литературы, во вкусѣ Чехова или Метерлинка. Здѣсь все до чрезвычайности просто, почти примитивно. Мысли воплощаются въ образъ съ исчерпывающей полнотой, нѣтъ лишняго слова, жеста. Воля режиссера, какъ въ корсетѣ. Онъ не въ со-

стояніи сдѣлать побочнаго движенія, не нарушивъ основной гармоніи произведенія. Но зато требуется иное, — конгеніальный сотрудникъ автора, его истолкователь, актеръ. Въ этомъ отношеніи встрѣча Художественнаго театра съ классическимъ репертуаромъ принесла ему огромную пользу. Театръ началъ съ того, что рѣшительно отвергалъ артистическую индивидуальность. Талантъ актера, конечно, хорошая вещь, но важнѣе таланта дисциплина. Она есть цементъ, который скрѣпляетъ отдѣльныя части театральнаго механизма и создаетъ спектакль. Классики нѣсколько поколебали такое убѣжденіе. Въ „Юліи Цезарѣ“ всѣ составные элементы театра были на лицо, но не было Шекспира. То же самое можно сказать о „Горѣ отъ ума“, о „Борисѣ Годуновѣ“ и о „Снѣгурочкѣ“. Понятно, что неудача театра была только относительной. Всякій, видѣвшій эти постановки, сознается, что рядомъ съ минусами, театръ далъ русскому искусству и очень большіе плюсы. Главная же его заслуга заключалась въ томъ, что онъ словно спрыснулъ запыленные цвѣты російской драматургіи живой водой. О литературномъ значеніи этихъ произведеній вновь заговорили, словно они появились вчера, а не сто лѣтъ назадъ, ежегодно возобновляясь по случаю открытія или окончанія сезона.

Такъ или иначе, но съ появленіемъ классическихъ пьесъ, въ Художественномъ театрѣ повѣяло новымъ духомъ; явился актеръ и вмѣстѣ съ нимъ стали возможными новыя достиженія. Въ описываемую эпоху это представлялось тѣмъ болѣе важнымъ, что на смѣну бодрыхъ настроеній начала новаго столѣтія, въ послѣ-революціонный періодъ, наступили разочарованіе и апатія. Утомленное общество искало выхода въ сверхчувственномъ мірѣ, увлекалось мистикой и религіозными вопросами. Явилась настоятельная нужда въ трагическомъ жанрѣ. Театръ, чуткій ко всякимъ общественнымъ движеніямъ, не могъ остаться равнодушнымъ и къ данному моменту. Выборъ, правда, у него былъ не большой. Русская жизнь, обильная трагическими сюжетами, никогда, однако, не давала русскимъ авторамъ достаточнаго спокойствія, чтобы возвыситься до холодныхъ вершинъ трагедіи. Послѣдняя была у насъ подражателемъ (Сумароковъ, Княжнинъ) или патристической (Озеровъ, Крюковской). Только за послѣднее время русскіе писатели нѣсколько болѣе подвинулись въ этомъ жанрѣ, но зато произведенія ихъ страдаютъ другимъ недостаткомъ — отсутствіемъ сценичности. Изъ русскихъ трагиковъ привлекалъ вниманіе Художественнаго театра Л. Андреевъ, потомъ за трагика сошелъ однажды С. Юшкевичъ („Miserere“). Отсутствие пьесъ подобнаго рода вынудило театръ обратиться къ передѣлкѣ романовъ. Такимъ образомъ выступилъ Достоевскій съ „Карамазовыми“ и „Бѣсами“. Одновременно дѣлались попытки вернуть публику къ Чеховскимъ настроеніямъ и ставить Тургенева. Но это не удалось театру. Несмотря на много родственныхъ чертъ въ творчествѣ обоихъ поэтовъ, Тургеневъ холоднѣе, разсудочнѣе Чехова, да и время уже не то. Зритель больше не тотъ, что ходилъ на Чехова. Онъ жаждетъ чего-то иного, чего? Онъ самъ большею частью не знаетъ.

Въ этой неопредѣленности возрѣвнѣй публики кроется отчасти колеблющееся настроеніе Художественнаго театра. Нельзя сказать, чтобы онъ не искалъ пьесъ. Онъ въ вѣчныхъ поискахъ, но выбранныя пьесы оставляютъ холодной аудиторію. Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы театръ, какъ думаютъ нѣкоторые, допѣвалъ свою пѣсню. Пускай, кто въ этомъ сомнѣвается, зайдетъ въ Студию театра. Въ свѣжей зелени юнаго, расцвѣтающаго учрежденія, онъ увидитъ, какіе соки еще питаютъ Московскую хоромину. У Художественнаго театра есть два огромныхъ преимущества передъ остальными театральными собратями: онъ самостоятеленъ и искрененъ. Быть можетъ, не всегда достоинство картины соответствуетъ ея богатой рамѣ, или, наоборотъ, часто рама уступаетъ картинѣ, но безспорно одно: къ чему бы ни прикоснулся театръ, къ великому или малому, безразлично, онъ даетъ ему тахітитъ своего сценическаго опыта и любви къ дѣлу. А съ такимъ багажемъ будущее, конечно, не страшно!

Dig.

Памятникъ—одинъ изъ красивѣйшихъ въ мірѣ—Аделаидѣ Ристори (Италія).

СОБРАНИЕ РУССКАГО ФАРФОРА ВЪ МУЗЕѢ БАРОНА ШТИГЛИЦА.

„Русскій юноша“.
Императорскій Фарфоровый заводъ. Эпоха Александра I.

тельности этого мастера въ Россіи пока не имѣется.

Слѣдующія попытки къ засаженію фарфороваго производства въ Россіи, увѣнчавшіяся учрежденіемъ Императорскаго Фарфороваго Завода, относятся къ царствованію Императрицы Елисаветы, при которой былъ выписанъ, въ 1744 году изъ Стокгольма, мастеръ Христофоръ - Конрадъ Гунгеръ. Однако онъ оказался мало свѣдующимъ въ своей специальности и потому, несмотря на всю таинственность, которой онъ себя окружалъ, всѣ его работы оказались нигде не годными и въ 1748 году онъ былъ уволенъ отъ должности. Но если Гунгеръ самъ и не сумѣлъ оправдать возлагавшихся на него надеждъ, то пребываніе его въ Россіи все же оказало существенную пользу дѣлу фарфороваго производства, образовавъ такого искуснаго мастера, какимъ явился его помощникъ Д. И. Виноградовъ. Прикомандированный къ иностранному мастеру въ качествѣ переводчика, Виноградовъ сумѣлъ получить отъ него кое какія спеціальныя свѣдѣнія, а приобретенныя имъ въ бытность за границею, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, познанія въ горномъ и металлургическомъ дѣлѣ, дали ему возможность вскорѣ превзойти своего учителя, и съ 1746 года Виноградовъ уже фактически ведетъ всѣ дѣла только что учрежденной „порцелиновой фабрики“.

Конечно, первое время, какъ въ посудѣ, такъ и въ отдѣльныхъ фигурахъ видно еще полное подражаніе западнымъ образцамъ, но уже къ концу царствованія Елисаветы Фарфоровый заводъ настолько овладѣлъ техникой,

что могъ изготовлять кромѣ посуды и небольшія фигуры въ родѣ имѣющагося въ собраніи „мальчика-кучера“; въ немъ уже сильно чувствуется русское вліяніе, какъ въ трактовкѣ типа, такъ равно и въ выработанномъ до мелочей русскомъ одѣяніи; исполнена эта фигурка еще по деревянной модели.

Въ царствованіе Екатерины II, удѣлявшей большое вниманіе Фарфоровому Заводу, работы его достигаютъ высокаго совершенства. Рядъ учениковъ посылается изъ Академіи Художествъ на Фарфоровый Заводъ для обученія этой отрасли прикладнаго искусства, а академическимъ профессорамъ поручается изготовленіе моделей для работъ завода. Такъ, группа „Зима“ исполнена по модели бывшаго академическаго профессора Рашетта. Элегантность позъ, свободныя движенія, полныя граціи,

что могъ изготовлять кромѣ посуды и небольшія фигуры въ родѣ имѣющагося въ собраніи „мальчика-кучера“; въ немъ уже сильно чувствуется русское вліяніе, какъ въ трактовкѣ типа, такъ равно и въ выработанномъ до мелочей русскомъ одѣяніи; исполнена эта фигурка еще по деревянной модели.

Въ царствованіе Екатерины II, удѣлявшей большое вниманіе Фарфоровому Заводу, работы его достигаютъ высокаго совершенства. Рядъ учениковъ посылается изъ Академіи Художествъ на Фарфоровый Заводъ для обученія этой отрасли прикладнаго искусства, а академическимъ профессорамъ поручается изготовленіе моделей для работъ завода. Такъ, группа „Зима“ исполнена по модели бывшаго академическаго профессора Рашетта. Элегантность позъ, свободныя движенія, полныя граціи,

„Продавщица духовъ“.
Заводъ Попова (съ 1806 г. до конца 70 годовъ минувшаго вѣка).

„Зима“.
Группа изготовлена по модели проф. Рашетта Императорскимъ Фарфоровымъ заводомъ. Эпоха Екатерины II.

придаютъ этой вещицѣ особую цѣнность и она мало чѣмъ уступаетъ лучшимъ французскимъ образцамъ.

Наряду съ работами по западнымъ образцамъ появляется и національное направленіе, выразившееся въ фарфоровомъ производствѣ исполненіемъ серіи фигуръ различныхъ народностей Россіи— „Маймистиха—баба чухонка“, „баба татарская“ и „баба эстляндская“ приведены какъ образцы подобныхъ, этнографическихъ сюжетовъ. Всѣ онѣ точно воспроизводятъ детали костюма; что же касается лица, то оно нѣсколько однообразно, условно—красиво и мало экспрессивно.

Пробудившіяся въ началѣ XIX столѣтія національныя творческія силы сказались и въ русскомъ искусствѣ, получившимъ болѣе національное направленіе хотя и въ псевдо-классическомъ стилѣ времени Имперіи. Это національное направленіе конечно должно было отразиться и на фарфоровыхъ издѣліяхъ, модели для которыхъ часто изготовлялись профессорами скульптуры. Дѣйствительно, „Деревенскій паренъ“, одѣтый съ большимъ реализмомъ въ синюю кубовую рубашку, все же болѣе похожъ на какого нибудь Муція Сцевола, чѣмъ на русскаго юношу. Не даромъ онъ исполненъ по модели гр. Толстого — этого классика до мозга костей.

Памятникомъ николаевской эпохи является фигурка „Нимфы, лежащей на волнѣ“. При видѣ ея, невольно приходится съ головою сопоставленіе съ керченскими древностями Императорскаго Эрмитажа, среди которыхъ встрѣчаются довольно близкіе сюжеты, вродѣ напри-

„Маймистиха-чухонская баба“.

„Баба татарская“.

„Баба эстляндская“.

Императорскій Фарфоровый заводъ. Эпоха Екатерины II.

„Лежащая одалиска“.
Заводъ Миклашевскаго
1839—1851 гг.

„Нимфа, лежащая на волнѣ“.
Императорскій Фарфоровый заводъ.
Эпоха Николая I.

мѣръ извѣстнаго „Ликиѳа съ голо-
вой сфинкса“.

Одинъ изъ первыхъ частныхъ фарфоровыхъ заводовъ былъ основанъ англійскимъ купцомъ Гарднеромъ въ 1750 годахъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губерніи. Издѣлія его были долгое время въ большой модѣ. Возраставшій спросъ на фарфоръ повлекъ за собой открытіе еще цѣлаго ряда большихъ и малыхъ заводовъ, какъ то: Попова, Поскочина, Миклашевскаго, Сафронова, Фомина, Сипягина и другихъ. Одно время увлеченіе фарфоромъ достигло такой силы, что собственный фарфоровый заводъ сдѣлался необходимой принадлежностью богатыхъ дворянскихъ усадебъ, наряду съ своимъ

„Венера съ голубями и амуромъ“.
Заводъ Гарднера (съ 1754 г. по настоящее время).

театромъ или оркестромъ и къ 1817 году число фабрикъ возрасло до 45.

Во второй половинѣ минувшаго вѣка, въ виду возраставшей потребности, число заводовъ значительно увеличилось, но, въ большинствѣ случаевъ, работы ихъ преслѣдуютъ уже исключительно утилитарныя цѣли и милыя старинныя фарфоровыя куклы, которыми такъ гордились любители, уступаютъ понемногу мѣсто прозачнымъ чашкамъ и мискамъ.

С. К.

Свѣдѣнія о фарфоровыхъ фигурахъ Музея Штиглица любезны сообщены его хранителемъ, Э. К. Кверфельдомъ.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Кто то сказалъ.

— Мы переживаемъ время седьмого оберъ-тона...

Большинство не поняло и говорившій сталъ объяснять, что это такое. Потомъ говорили объ одиннадцатомъ и тринадцатомъ оберъ-тонахъ у Скрябина, о четвертомъ измѣреніи въ музыкѣ, о новомъ министрѣ, о коннозаводствѣ, о дирекціи Императорскихъ театровъ, о пьесѣ Мережковскаго „Радость“, которую ставитъ Художественный театръ, о „Сверчкѣ на печи“, о статьѣ Никарагуа, за которую закрыли „Русское Звено“, о многотомномъ романѣ „Жанъ-Кристофъ“ француза Роллана, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является нѣмецъ и за который Роллану собираются дать Нобелевскую премію...

Когда наступила пауза, кто-то другой сказалъ.

— А я купилъ вчера нѣсколько шеръ „Змѣиной компаніи“ „Snacks Company Ltd“... говорятъ поразительно выгодное дѣло!.. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда въ англійскомъ Конго стали устраивать плантаціи каучука, оказалось, что половина рабочихъ гибнетъ отъ ядовитыхъ змѣй. Англійское правительство назначило тогда премію за всякую голову змѣи ядовитѣйшихъ породъ... Черезъ два года выяснилось, что количество змѣиныхъ головъ, доставляемыхъ для оплаты, быстро растеть, вмѣсто того, чтобы уменьшаться... Послали изъ Англійи специалистовъ изслѣдовать, въ чемъ дѣло? И что же?! Оказалось, что какіе то предприимчивые джентльмены устроили разсадникъ для разведенія этихъ змѣй и получали громадные барыши отъ премій! Не нашлось закона, по которому можно было бы закрыть такое предпріятіе и пришлось отменить премію... Джентльмены быстро приспособились къ „условіямъ рынка“ и стали продавать змѣиную кожу на кошельки,

несессеры, дамскія сумочки и прочее. Доходъ предпріятія почти не уменьшился... По соглашенію съ парижскими портными предполагалось ввести эту кожу въ отдѣлку платьевъ въ нынѣшнемъ сезонѣ, но, къ сожалѣнію, помѣшала война...

* * *

Говорили о какомъ то американскомъ автомобилѣ, о томъ, что всѣ автомобильныя фабрики міра уже запродали все свое производство чуть не на годъ впередъ.

— Нѣтъ, это скверная машина... Въ Америкѣ есть только три марки миллиардерскихъ автомобилей, „наши три Р“, какъ говорятъ янки— „Pierce-Arrow“, „Packard“ и „Peerless“... Только „три Р“, какъ у англчанъ табачныя трубки только „три В“...

— А вы были, оказывается, въ Америкѣ?

— Да, была.

— Вы точно не русская, не бонтесь, значитъ, моря...

— Развѣ русскія непремѣнно боятся моря?

— Еще бы! это первѣйшее отличіе русскихъ дамъ... Миѣ недавно рассказывали, какъ русская семья ѣздила въ Палермо. Переѣзжая изъ Реджіо въ Мессину, всего 20 минутъ на ferry boat, уже тряслись и запасались лекарствами отъ морской болѣзни, а когда пріѣхали въ Палермо, случилось большое землетрясеніе... Помните, лѣтъ семь назадъ?! Такъ они пять мѣсяцевъ просидѣли въ Палермо, пока была отстроена желѣзная дорога, лишь бы не ѣхали 10 часовъ на пароходѣ въ Неаполь!

— А я знаю даму, которая ждетъ, когда будетъ построена мостъ черезъ Атлантическій океанъ, чтобы побывать въ Америкѣ. Маркъ Твэнъ совѣмъ не преувеличиваетъ, рисуя такіе типы. Да

что писатели! Они далеко отстают от действительности, теперешняя действительность куда фантастичнее, чем их фантазия...

* * *

... Вчера мы вспоминали двух наших профессоров. Один читал минералогію; другой—двойную бухгалтерію.

Первый дѣлалъ изъ своего предмета нѣчто настолько мудреное, что никто ничего на лекціяхъ не понималъ. Студенты ради курьеза на лекцію пригласили университетскаго профессора высшей математики.

Профессоръ просидѣлъ два часа и когда вышелъ изъ аудитории, чистосердечно сознался—

„Ничего не понялъ!“

Доходя въ своей лекціи до самаго труднаго мѣста, до какойнибудь теоріи рациональности параметровъ при кристаллизаціи минераловъ, профессоръ говорилъ обыкновенно:

— „Ну, дальше все въ высшей степени понятно!“

Ему самому все казалось такъ понятно, что онъ не допускалъ мысли, что это можетъ быть непонятно другимъ. Одинъ изъ студентовъ подмѣтилъ эту черточку и на экзаменѣ, дойдя до труднѣйшаго мѣста, въ которомъ самъ ничего не понималъ, самоувѣренно заявилъ, глядя прямо въ лицо профессору.

— „Ну, дальше все въ высшей степени понятно!“

Профессоръ поставилъ ему 5.

Лекторъ по бухгалтеріи сумѣлъ облечь свою сухую науку въ такую общепонятную форму, такую наглядную, что всѣ студенты буквально, безъ исключенія, поняли, что такое двойная бухгалтерія.

Вмѣсто того, чтобы закидывать своихъ слушателей мудреными словами—дебетъ, кредитъ, лоро, ностро, сальдо—онъ говорилъ такъ (рѣчь шла о сельскохозяйственной бухгалтеріи, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ трудныхъ):

„Вотъ ваше имѣніе. Большое поле... Вышелъ въ поле подбоченъ пузатый капиталъ (профессоръ смѣялся и пояснял, почему „подбоченъ „и почему“ пузатый“...), такъ вышелъ въ поле „Капиталъ“. Вотъ этому капиталу мы отводимъ двѣ страницы въ нашей книгѣ—лѣвую и правую. Капиталъ рѣшилъ дать часть себя озимому полю. Отводимъ двѣ страницы, лѣвую и правую—озимому полю. Часть рѣшилъ дать винокуренному заводу—отводимъ двѣ страницы винокуренному заводу. И такъ далѣе...“

Когда все это врѣзывалось въ представленіе студентовъ, профессоръ продолжалъ.

„Теперь у насъ есть цѣлый рядъ, скажемъ, лицъ, изъ которыхъ каждому отведены двѣ страницы—лѣвая и правая. Какія бы хозяйственныя мѣропріятія не производились теперь въ имѣніи, всегда одно изъ этихъ лицъ будетъ чтонибудь брать у другого или давать другому. Вотъ вы и отмѣчайте каждое такое дѣйствіе тому, кто отдаетъ и тому, кто беретъ. Кто отдаетъ—тому направо, кто беретъ—тому налево. Чтобы ни совершалось въ имѣніи, оно должно быть отмѣчено цифрой, на какихъ-то двухъ страницахъ. На одной страницѣ слѣва, на другой—справа. Если вы будете поступать такимъ образомъ, то сумма всѣхъ лѣвыхъ страницъ всегда неизбѣжно будетъ равняться суммѣ всѣхъ правыхъ. И если при общемъ подсчетѣ, суммы лѣвой сходятся съ суммами правой, то значить вся сложная бухгалтерія вѣрна... Вотъ вамъ и все, вотъ вамъ двойная бухгалтерія!“

„Танцы“. Рис. америк. художника.

VORREI BACIAR'...

Венеція!.. Луна... безшумная гондола
У мраморныхъ ступень стариннаго дворца.
Надъ сонною водой—канцона, баркаролла...
На голосъ мы плывемъ незримаго пѣвца.

Случайный спутникъ мой, веселый и красивый,
Съ улыбкой мнѣ сказала: „Здѣсь хорошо вдвоемъ!“,
Зачѣмъ нарушилъ онъ покой мой горделивый?
Зачѣмъ былая страсть въ душѣ зажглась огнемъ?

Зачѣмъ забыла я всю прелесть южной ночи
И унеслась къ тебѣ я силой прежнихъ чаръ?
Мнѣ вспомнились твои тоскующія очи,—
А сладкій голосъ пѣлъ вдали: „Vorrei baciar'...“

Заброшена сюда капризною судьбою,
Мечтой погружена въ красу былыхъ временъ,
Плѣнилась моремъ я и далью голубою;
Мнѣ снился наяву какой-то дивный сонъ.

„Здѣсь хорошо вдвоемъ!“... Тоска мнѣ сердце сжала.
Волшебной сказкой спалъ замороженный міръ.
Но греза таяла, тоска же нарастала,
А сладкій голосъ пѣлъ вдали: „Vorrei morir'...“

Ан. Волынцева.

Въ описаніи коллекціи А. А. Журавлева въ № 35 есть опечатки:

Англійскіе часы Чипендель названы Чеппедель. — На каминѣ въ столовой вазы Императорскаго Вѣнскаго завода названы Королевскаго Вѣнскаго завода. Панно въ столовой не Доминико дель Піомбо—а Доменико Піоло. Въ залѣ часы съ эмблемою Версаля: голова Аполлона на маятникѣ принадлежаніе этому дворцу во время Louis XVI, а не съ вензелемъ Маріи Антуанетты.

П. А. ФЕДОТОВЪ.

(Къ столѣтію со дня его рожденія).

Господствовавшее въ Академіи Художествъ почти до половины прошлаго вѣка убѣжденіе, что только „важное и великое“ можетъ быть предметомъ искусства, и потому оказывавшее особое покровительство библейскимъ, мифологическимъ и историческимъ сюжетамъ, конечно, не могло способствовать развитію русской бытовой живописи. Русскій жанръ зародился не въ академическихъ

нѣдрахъ. Скромному землемѣру, сыну греческаго выходца Фармаки-Венеціанову, занимавшемуся, въ свободное время, живописью, суждено было стать „родоначальникомъ русскаго жанра“.

Достойнымъ преемникомъ его въ этомъ „приятномъ родѣ живописи“, какъ писалось прежде, является Павелъ Андреевичъ Федотовъ.

Родился Федотовъ 22 июня 1815 г. въ Москвѣ и по окончаніи московскаго кадетскаго корпуса, въ 1833 г. вышелъ въ гвардію. Федотовъ учился отлично. Вообще онъ былъ богато одаренной артистической натурой; онъ пѣлъ, игралъ на гитарѣ, занимался поэзіей, позже ставшей неразлучной спутницей его живописи.

Будучи офицеромъ Л. Гв. Финляндскаго полка, Федотовъ все свободное время отдавалъ любимому искусству, рисуя портреты товарищей, дѣлая наброски и акварели. Особо удачными выходили у него акварельные портреты Великаго Князя Михаила Павловича, которыхъ онъ написалъ до 20.

Посѣщая вечерніе рисовальныя академическія классы, Федотовъ все болѣе и болѣе отдавался своему влеченію и скептицизмъ, съ которымъ отнесся знаменитый Карлъ Брюлловъ къ увлеченію 25-лѣтняго гвардейскаго офицера искусствомъ, не охладилъ художественнаго пыла Федотова.

Черезъ 10 лѣтъ по вступленіи Федотова въ полкъ, ему было разрѣшено оставить военную службу и посвятить себя живописи, причѣмъ, во вниманіе къ его затруднительному положенію, было даровано содержаніе по 100 руб. ассигнаціями...

Задумавъ, сначала, посвятить себя баталической живописи, какъ близко знакомаго ему сюжета по прежней полковой службѣ, Федотовъ написалъ нѣсколько картинъ изъ Казарменной жизни—„Приходъ старослуживаго въ казармы Финляндскаго полка“, и началъ было изучать, подъ руководствомъ академическаго профессора А. Зауервейда, скелетъ и мускулатуру лошади. Но Федотовъ не могъ долго довольствоваться изображеніемъ исключительно военной жизни и подъ вліяніемъ полученнаго отъ И. Крылова письма, въ которомъ извѣстный баснописецъ убѣждалъ Федотова заняться бытовою живописью, онъ съ удвоенною энергіею занялся жанромъ, къ которому всегда имѣлъ тяготѣніе.

О томъ, какъ добросовѣстно трудился Федотовъ, выписывая и изучая самыя мелкія подробности можно судить по одной изъ первыхъ его вещей „Утро чиновника, получившаго орденъ“, которую онъ писалъ 9 мѣсяцевъ. Вслѣдъ за этой, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была готова и другая—

„Разборчивая невѣста“. Обѣ эти картины были имъ представлены въ 1848 г. на судъ Академіи Художествъ, которая настолько сочувственно отнеслась къ работамъ Федотова, что, признавъ его назначеннымъ въ академики, предоставила ему право выбрать самому сюжетъ для программы на званіе академика. Это была уже начатая имъ извѣстная картина „Сватовство маіора“.

Выставленная въ 1849 г. вмѣстѣ съ другими картинами она настолько понравилась и художникамъ и публикѣ, что имя Федотова стало сразу извѣстнымъ и онъ былъ назначенъ академикомъ.

Пріѣхавъ, по семейнымъ дѣламъ въ Москву, онъ устроилъ здѣсь выставку своихъ произведеній.

Успѣхъ его въ Москвѣ былъ еще болѣе, чѣмъ въ столицѣ.

Федотовъ начинаетъ отрѣшаться отъ прежней сатиры и задумываетъ рядъ работъ, гдѣ должны быть замѣны людскихъ страстей положительныя качества вродѣ женской красоты, нѣжности, граціи. Если раньше на Федотова сильно вліялъ Гоголь, то теперь онъ началъ отдавать предпочтеніе Вильки, этому тонкому юмористу сатирику, поклонившемуся красотѣ. Результатомъ этого новаго направленія въ творчествѣ Федотова появилась въ 1850—1851 г.г. картина „Вдовушка“, съ простымъ трогательнымъ сюжетомъ. Въ этомъ же родѣ должна была быть и другая задуманная имъ картина, посвященная институтской жизни. Несмотря на успѣхъ тяжелая дѣйствительность—отсутствіе матеріальныхъ средствъ, съ которой приходилось всю жизнь бороться Федотову, давала себя знать все острѣе, и заставляла его дѣлать по нѣскольку копій, отвлекая его отъ творческой работы. Все это ложилось на него тяжелымъ бременемъ и изъ остроумнаго веселаго собесѣдника Федотовъ обратился мало по малу въ меланхолика. Это было уже начало его психической болѣзни, которая начала быстро прогрессировать и вскорѣ Федотова должны были помѣстить въ лечебницу для умалишенныхъ.

14 ноября 1852 г. Федотовъ скончался на рукахъ своего вѣрнаго слуги Коршунова.

С. К.

„Только поправить у Добби хвостъ... и завтра съ нимъ на войну!“

Изъ „Ladies Pictorial.“

„Городъ сыра“, Альмаръ (въ Голландіи). Городъ славится чистотой и сыромъ; всѣ альмарцы занимаются или сырнымъ производствомъ или сырной торговлей, городская площадь завалена сырами, воздухъ насыщенъ сырнымъ запахомъ...

Фот. изъ „Ladies Field“.

Боръ вор. въ сѣд. жер., род. 1908 г., владѣлецъ М. П. Петровъ, зав. кн. Л. Д. Вяземского, отъ Вильбурна-М. и Были. Побѣдитель приза Е. И. В. Государя Императора Николая II въ рѣзвость 4 вер.-6 33—4/8 с. Снятъ послѣ розыгрыша приза 6-го мая 1915 г.

Среди присутствующихъ: В. М. Брайловскій, М. П. Петровъ, наѣздникъ П. Бѣляевъ 2-й и друг.

ПѢСЕНКА СЪ МОРАЛЮ.

Я васъ прошу: позвольте мнѣ
Сыграть вамъ на одной струнѣ
(Какъ можно покороче!)
О звѣздочетъ, о веснѣ,
О звѣздочетовой женѣ,
О звѣздахъ и о прочемъ!..

* * *
Слѣдя за шашнями свѣтилъ,
Безъ горя и хлопотъ,
Въ высокой башнѣ жилъ да былъ
Почтенный звѣздочетъ.
Онъ часто ночью, второпяхъ,
Ловилъ кометинъ хвостъ...
И былъ „своимъ“ онъ въ облакахъ,
Среди кометъ и звѣздъ.
Онъ былъ ученъ и очень мудръ.
Но... шутить зло Эротъ!..
И, вотъ, въ одно изъ веснихъ утръ—
Женился звѣздочетъ!..

* * *
У звѣздочетовой жены
Глаза, что пара звѣздъ,
Лицо, какъ томный ликъ Луны,
А страсть—кометинъ хвостъ!
Она блѣдна, она—грустна,
У ней влюбленный видъ,
А звѣздочетъ всю ночь, сполна,
За... звѣздами слѣдитъ!..
И грустно, каждую весной,
Гуляя на лугу,
Она, съ особенной тоской,
Смотрѣла на слугу...
Былъ недогадливъ тотъ слуга!..
Но, все-же, какъ-то разъ,
Воскликнулъ, вдругъ, слуга:—„Ага!“
И... конченъ мой рассказъ...
* * *

Отсюда выводъ-же такой:
Коль мужемъ стать пришлось,
Смотри ты лучше за женой,
А звѣзды—брось!

Н. Агнивцевъ.

СРЕДИ КНИГЪ.

СМЕРТЬ ЗЕМЛИ.

Французскій профессоръ Альфредъ Берже написалъ недавно брошюру „Смерть земли“. Это не конецъ міра, а именно смерть земли, потому что міръ ученые понимаютъ гораздо шире, чѣмъ только одна наша крошечная земля.

Въ этой научной фантазіи мелькаютъ головокружительныя цифры—милліоны, билліоны и даже триллионы лѣтъ.

Смерть земли наступитъ отъ холода, какъ это давно опредѣлено. Чѣмъ дальше, тѣмъ быстрее земля будетъ охлаждаться. Подъ вліяніемъ постоянно происходящихъ на нашей планетѣ химическихъ процессовъ, количество углекислоты въ воздухѣ будетъ все увеличиваться. Углекислота предохраняетъ землю отъ охлаждения: она окутываетъ нашу планету, какъ бы шубой и по мѣрѣ накопленія въ воздухѣ этого газа шуба все будетъ дѣлаться теплѣй и теплѣй. Одновременно будетъ увеличиваться количество водяныхъ паровъ. На землѣ станутъ плодородными тѣ сухія пустыни, въ которыхъ теперь ничего не растетъ. Вся земля станетъ вообще плодороднѣе и богаче растительностью. Но это будетъ послѣдней яркой вспышкой жизни на нашей планетѣ!..

По подсчету ученыхъ человѣчеству еще остается около шести милліоновъ лѣтъ существованія. Къ концу этого срока всякая жизнь должна исчезнуть и удастся ли къ это времени человѣческому разуму передать свои завоеванія на другія планеты—оставляетъ неразрѣшимый вопросъ!..

Жизнь на землѣ потухнетъ. Земля будетъ все охлаждаться больше и больше, и наконецъ температура станетъ такой, при которой азотъ и кислородъ дѣлаются жидкими. Тогда ледяную поверхность нашей планеты снова покроютъ жидкіе океаны—океаны азота и кислорода вмѣсто воды.

Къ тому времени и солнце охладится настолько, что будетъ казаться уже коптящей лампой. Оно почти не будетъ посылать тепловыхъ лучей на умершую землю. Океаны газовъ тоже замерзнутъ и вся наша солнечная система погрузится въ холодный мракъ.

Солнце со своими планетами все таки будетъ продолжать путь къ звѣздѣ Вега и черезъ *сто тысячъ миллиардовъ лѣтъ* вся наша солнечная система упадетъ, наконецъ, на Вегу.

По мнѣнію Берже, отъ этого столкновѣнія разовьется такая энергія, такое количество теплоты, что вновь образовавшаяся планетная система опять окажется жизненной на миллиарды лѣтъ. Это будетъ „воскресеніе солнечнаго міра“. Часы вѣчности сдѣлаютъ еще одинъ кругъ...

Вл. К.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ ДОЛГОРУКОЙ (СХИМОНАХИНИ НЕКТАРИИ).

Яркая красота ея души и твердость характера послужили предметомъ вдохновенія поэту слѣдцу И. И. Козлову,—написавшему поэму ея жизни. Ее же воспѣвалъ въ одной изъ думъ К. Ѳ. Рыльцевъ.

Судьба этой женщины была необыкновенна.

„...Ей радость ложно снилась,
Когда звѣздою при дворѣ
Въ семнадцать лѣтъ она явилась“.

Она была дочерью фельдмаршала—графа Бориса Шереметева,— „птенца гнѣзда Петрова“,—сподвижника и друга Петра Великаго.

Она была женою красавца кн. И. А. Долгорукаго, сестра котораго была невѣстою юнаго императора Петра II. Вотъ ея разсказъ о своемъ брачномъ сговорѣ.

„Между тѣмъ начались у насъ приготовленія къ нашему сговору. Правду могу сказать, рѣдко кому случалось видѣть такое знатное собраніе; вся императорская фамилія, всѣ чужестранные министры, всѣ наши знатные господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ сказать, столько было гостей, сколько нашъ домъ могъ помѣстить обоихъ персонъ, не было ни одной комнаты, гдѣ бы не было полно людей... Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, бриллиантовыми серьгами, часами, табакерками, готовальнями и всякою галантереєю; мои же руки не могли всего забрать, когда бы мнѣ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми мы обручались, его въ двѣнадцать тысячъ, а мой въ шесть тысячъ. Напротивъ и мой братъ жениха моего дарилъ: шесть пудовъ серебра, старинные великіе кубки и фляжки золотые... О прочихъ всѣхъ сговорныхъ церемоніяхъ или веселіяхъ умолчу, ногишнее мое состояніе и званіе

то запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, что можете вздумать ничего не было упущено“.

Записки эти писались уже тогда, когда княгиня Н. Б. Долгорукая стала схимонахиней Нектаріей; отсюда и суровая сдержанность ея описаній свѣтской жизни того времени.

Внезапно умираетъ императоръ Петръ II. Надъ всѣми Долгорукими разражается яростная буря бироновщины. Молодую невѣсту уговариваютъ взять свое согласіе назадъ, избрать себѣ новаго жениха...

„Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда отдавъ сердце одному, жить ли умереть вмѣстѣ, а другому ужъ нѣтъ участія въ моей любви.— Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; въ пошлѣннѣйшій вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищицъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу“...

Мужа княгини, И. А. Долгорукова, сослали въ г. Березовъ. Она поѣхала вмѣстѣ и, чѣмъ мрачнѣе была ея дальнѣйшая судьба, тѣмъ ярче становится чистота ея души и огонь чувства къ любимому человѣку...

„...Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ; лежу на постелѣ и мужъ мой надо мною стоитъ, за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ; я вскочила съ постели, бѣгу въ верхъ, думаю, еще хотя разъ увижу—ниже мѣста того знать: далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое у меня на рукѣ; знать я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было, не до него: жизнь тратится...“

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ, буря на рѣкѣ, громъ, молнія: гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ, а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ: какъ громъ грянетъ, то и попадаютъ люди... Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, мы поплыли въ путь свой, и такъ мы три недѣли ѣхали водою; когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою; вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его: онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не одна я невольница была и осетръ со мною...“

Эти записки—первый по времени памятникъ далекаго прошлаго, дошедшій не искаженными до современности.

За этою княгиніею-страдальницей—почти черезъ столѣтіе—послѣдуютъ въ Сибирь за мужьями-декабристами другія героини долга, — княгини: Волконская, Трубецкая...

Хорошо изданная книжечка снабжена портретами княгини-автора и ея супруга и нѣсколькими старинными политическими 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Записки эти переизданы съ изданія 1810 года.

Вас. К.

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ **ВЛ. КРЫМОВЪ.**
(дополненное).
**О РУЛЕТКѢ МОНТЕ-КАРЛО, ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ, ГАСТРОНОМИИ, МОДАХЪ И
О ПРОЧЕМЪ.**
О Монте-Карло и играхъ.—О литературѣ, порнографіи, гастрономіи и другомъ.—Изъ поѣздки въ Южн. Америку.—Изъ поѣздки въ Сѣв. Америку и по Зап. Европѣ.—Кинематографъ мысли.
Выписыв. изъ конторы „Столица и Усадьба“ пересылка бесплатно.

НОВАЯ КНИГА: **ВЛ. КРЫМОВЪ.**
(8-я тысяча).
ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.
СОДЕРЖАНИЕ: Въ странѣ миллиардеровъ.—Газета и реклама.—По Вост. Индіи.—Въ Панамѣ.—Въ странѣ любви и землетрясеній.—Кинематографъ мысли.—Странные разсказы.—Монте-Карло.
КНИГА СО СКЛАДА ВСЯ РАЗОШЛАСЯ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Петроградское Общество
поощренія рысистаго коннозаводства.
**БѢГА
НА СЕМЕНОВСКОМЪ ПЛАЦУ.
ОСЕННИЙ СЕЗОНЪ 1915 ГОДА.**
АВГУСТЪ 30 (пр. „въ память кн. Л. Д. Вяземскаго“).
СЕНТЯБРЬ 1 (доб.), 3 („Вегунительный“), 6 („Вступительный“ и „въ память Р. Е. Гринвальда“), 10, 13 (пр. „въ честь Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича“), 15 (доб.), 17, 20 (пр. „въ честь К. Л. Вахтера“ и „ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ“), 22 (доб.), 24, 26 („ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ“), 27 (пр. „въ честь Е. И. В. Великаго Князя КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ“ и „въ память 200-лѣтняго юбилея г. Петрограда“) и 29 (доб.).
ОКТАБРЬ 1 („въ честь гр. И. И. Воронцова-Дашкова“ и „въ память В. П. Охотникова“) 4 („въ память 200-лѣтняго юбилея г. Петрограда“), 5 (пр. „ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА и ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА“), 8, 11 (пр. „въ честь Е. И. В. Великаго Князя ДМИТРІЯ КОНСТАНТИНОВИЧА“ и „въ память В. И. Шишкина“), 13 (доб.), 15 (пр. для невингр. „Шинкинского“ пр.); 18, 21, 22 и 25.

**СКАЧКИ
ВЪ ПЕТРОГРАДѢ**
(удѣльный ипподромъ).
ЮНЯ: 2, 4, 7, 9, 11, 14, 16, 18, 21, 23,
25, 28, 30. ЮЛЯ: 2, 5, 7, 9, 12, 14, 16,
19, 22, 24, 26, 28, 30. АВГУСТА: 2, 4,
7, 9, 11, 13, 16, 18, 20, 23, 25, 27 и 29.

